

Великие и знаменитые

РАЗВЕДЧИКИ И ШПИОНЫ

Станислав Николаевич Зигуненко
Разведчики и шпионы
Серия «Великие и знаменитые»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11824868
Зигуненко, С. Н. Разведчики и шпионы: АСТ, Астрель; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-046067-0, 978-5-271-17743-9

Аннотация

Какая разница между разведчиком и шпионом? Чем же прославилась Мата Хари? Кто украл атомную бомбу? Как стать «человеком-невидимкой»? На эти и многие другие вопросы отвечает книга, посвященная самым известным шпионам и разведчикам XX века.

Для массового читателя.

Содержание

Предисловие	6
На заре XX столетия	8
Кому служил Азеф?	10
И нашим, и вашим...	10
Машина на холостом ходу	11
Покушение на царя	12
Артур Редль – жертва мистификации?	14
Мастер тайных дел	14
Агент на контракте?	15
Редля подставили?	16
Неужто слесарь виноват?	16
Романтик или подлец? (Лоуренс Аравийский)	18
Почитатель Востока	18
Провокатор в Афганистане	19
Сбежавший муж (Васмус Персидский)	21
Консул в Персии	21
Брак по расчету	21
Бежать надо, сын мой, бежать...	22
Нечаянная шпионка (Мата Хари)	23
Он ее бил, она его бросила	23
Немецкая шпионка	23
Теперь пофлиртуем с французами	24
Не будите женщину на рассвете!	25
Полет «Жаворонка» (Марта Рише)	26
Судьба красивой женщины	26
Любовница-шпионка	26
Какая польза от сломанной ноги?	27
Героине воздают должное	27
Жизнь тихого цензора (Жюль-Крофорд зильбер)	29
Почти англичанин	29
Используя служебное положение...	29
«Непотопляемый» Кривош	30
Филер по призванию?	30
Уникум-полиглот	30
Финансовые «вольности»	31
Монархи тоже любопытны	31
«Оставлен в подозрении»	32
На службе у красных	33
И снова не досидел...	33
Одиссея одессита (Сидней Рейли)	35
Метаморфоза еврея	35
Действуя на всех фронтах	35
Не поддавайтесь женщинам!	36
Игра «втемную» с «бешеной Марией»	39
Своенравная девица	39
Своя среди чужих	39

И снова – в бой!	40
Ревизоры «треста»	40
Страсть к терроризму и... мужчинам	41
Сколько бы веревочка не вилась...	42
Шпион, любивший женщин (Роберт Брюс Локкарт)	44
Родом из Шотландии	44
...И поселился у вдовы	44
На связи с большевиками	45
«Заговор Локкарта»: был ли он?	46
Шпион на покое	47
Между мировыми войнами	48
Разведчик Шамбалы (Яков Блюмкин)	49
Встреча в лектории	49
Секретная лаборатория	50
Подготовка экспедиции	51
Фальшивый лама	52
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Станислав Николаевич Зигуненко

Разведчики и шпионы

© ООО «Издательство Астрель», 2006

Предисловие

Рыцари плаща и кинжала – так иногда называют разведчиков – являются представителями одной из самых древнейших профессий. Уже в древнегреческих мифах упоминается, к примеру, Прометей, похитивший у богов тайну огня и поведавший ее людям.

На самом деле, подобные похищения, наверное, происходили неоднократно. Агенты доисторических племен охотились не только за секретами разжигания огня, но и крали, выведывали друг у друга самыми различными способами тонкости производства каменных топоров и иного оружия, технологии выделки шкур, выискивали слабые и сильные стороны соседей.

В общем, разведка возникла вместе с родом человеческим, а то и того ранее. Этологи – специалисты по изучению поведения животных – отмечают, что обезьяны и другие млекопитающие перенимают друг у друга приемы охоты, добычи плодов и корней и другие полезные для жизни секреты.

Разведка же немислима без разведчиков, шпионов, лазутчиков, соглядатаев... Загляните, скажем, в словарь В. И. Даля, и вы поймете, что признанный знаток русского языка не видит между этими понятиями особой разницы. Разведчика одной страны в другой наверняка назовут шпионом. При этом и оценивают труд спецагентов по-разному: своими – восхищаются, чужих – презирают.

Причем добро бы не доверяли лишь предателям-перебежчикам – а таких, кстати, история разведки знает немало. Пожалуй, можно привести еще больше примеров, когда власти той или иной страны переставали доверять собственным агентам, добывавшим ценнейшие сведения с огромным риском, а то и ценою жизни. К чему это приводило, красноречиво свидетельствует хотя бы история Великой Отечественной войны.

И. В. Сталин не поверил собственной разведке, и в итоге нападение Германии на СССР стало для него «вероломным и внезапным». Красной армии пришлось отступить до самой Москвы, и неизвестно еще, чем бы кончилось сражение за столицу, если бы из Токио не пришло сообщение от агента Рихарда Зорге: «Япония в войну вступать не будет». Это короткое сообщение послужило основанием для переброски сибирских дивизий под Москву, и столицу СССР Гитлеру захватить так и не удалось. А ведь командиры передовых частей вермахта уже видели в свои бинокли стены белокаменной, и была даже назначена дата парада нацистов на Красной площади.

Велика роль разведчиков и во многих других проектах и операциях. Тайны производства атомной бомбы, сведения о химическом и бактериологическом оружии, секреты ракетных и космических технологий – все это неизбежно утекает за пределы одной страны, невзирая на все принимаемые меры. Организаторами же таких «утечек», как вы понимаете, являются опять-таки спецагенты.

Для выполнения заданий их вооружают самыми совершенными приборами и устройствами. Микрофоны, способные услышать за несколько сот метров даже шепот, устройства, которые могут разглядеть человека в полной темноте, хитроумные дешифраторы, позволяющие взламывать самые неприступные, казалось бы, коды и шифры – все это инструменты разведки. Однако главным оружием разведчика всегда был, есть и будет его ум, интеллект, помноженный на знания, выучку и тренировку.

«Если агент вынужден взяться за оружие, значит его дело уже проиграно» – эта старая истина не потеряла своей актуальности и в наши дни.

И с еще одним парадоксом вам придется встретиться в этой книге. Все имена, которые вы встретите на ее страницах, это имена проигравших. Все эти агенты по тем или иным причинам (чаще всего в результате предательства) провалились, и только потому оказались

«засвеченными», известными широкой публике, а стало быть – знаменитостями. Те же, кому удалось избежать провала, и по сей день остаются известными лишь узкому кругу своих коллег, а об их делах мы с вами узнаем еще не скоро – возможно, и никогда.

Такова специфика разведки.

Так что те, кто жаждет громкой славы, пусть изберут другой жизненный путь. В разведчики их все равно не возьмут, скорее всего отсеют уже после первых же тестов на профпригодность.

Кстати, сами разведчики, как правило, в совершенстве владеют несколькими профессиями, кроме своей основной – той самой, о которой чем меньше людей знает, тем лучше. Для всех прочих – разведчик может быть просто журналистом, коммерсантом, ученым... Бывали случаи, когда весьма ценные сведения получали секретари, слуги, даже уборщики и мусорщики.

Некоторые люди добывают секреты в надежде затем их с выгодой продать за большие деньги. Однако большинство прекрасно понимает, что тот риск, которому они подвергаются в своей работе, не окупается получаемым ими вознаграждением. Они работают, как правило, «за идею», ведомые патриотизмом. Деньги же – куда большие и с гораздо меньшим риском – они способны добыть тысячью других, вполне безопасных и легальных способов.

Может быть, вот эта главная тайна: почему умные люди берутся за опасную и, будем откровенны, довольно грязную работу, вопреки, кажется, здравому смыслу – и служит главным источником того интереса, который к работе разведки испытывают обыватели во всем мире? Давайте попробуем разобраться. А заодно и познакомимся с людьми, жизнь которых куда занимательнее тех приключений, которые придумывают для своих героев иные сочинители шпионских романов.

На заре XX столетия

Рубеж XIX – XX веков оказался весьма бурным. Войны и революции, бунты и смуты – все это было весьма на руку любителям половить рыбку в мутной воде. Разного рода авантюристы проникали в самые высокие государственные сферы – вспомним хотя бы, каким огромным влиянием при дворе пользовался Григорий Распутин.

В разведках разных стран того времени тоже было немало весьма сомнительных личностей, работавших отнюдь не из высоких соображений патриотизма и гуманизма, но за деньги, и не стеснявшихся в выборе средств для достижения своих целей.

Кому служил Азеф?

История Евно Фишелевича Азефа – одна из самых фантастических в истории спецслужб. Наверное, такое не было возможно нигде, кроме самодержавной России начала XX века. Охранка – царская тайная полиция, которая должна была заниматься исключительно искоренением врагов государственного строя, – черпала информацию прежде всего от своих осведомителей, засылаемых в подпольные кружки. Одним из самых талантливых считается Азеф.

И нашим, и вашим...

Еще студентом вступив в революционный кружок, Азеф практически сразу предложил и полиции свои услуги в качестве тайного осведомителя.

О причинах такого решения ныне можно догадываться. Одна из версий гласит, что он действовал согласно известной русской поговорке: «Ласковый теленок двух маток сосет». То есть, говоря иначе, Азеф, желая жить на широкую ногу, предпочитал получать деньги не из одного, а сразу из двух источников. И это ему удалось.

Дело в том, что весьма популярной тактикой тайной полиции в те времена было использование провокаторов. Выглядело это обычно так: в подпольную группу внедрялся агент. Пробившись в руководители, он участвовал в планировании терактов: выбирал жертву, разрабатывал план ее уничтожения, готовил соответствующее снаряжение и т. д. При этом, естественно, обо всех планах сообщал своим начальникам в охранку. И те в подходящий момент срывали куш, арестовывая боевиков накануне теракта, и докладывали начальству об успешно проведенной операции.

Особая ценность Азефа заключалась в том, что благодаря своим талантам, видимому революционному рвению и смелости он вскоре возглавил тайное подразделение партии социалистов-революционеров – боевую организацию, которая среди прочего задумала осуществить покушение на самого царя.

Поначалу, впрочем, боевики отработывали свою тактику, накапливали опыт, уничтожая фигуры не очень крупного масштаба. При этом полиция и террористы действовали с переменным успехом. Иной раз полиции удавалось предотвратить теракт. А иногда случалось и так, что полицейские прибывали на место уже после взрыва бомбы – излюбленного оружия боевиков.

Чтобы таких опозданий было поменьше, высшие чины охранки и государства не жалели денег на контроперации, на оплату агентов-провокаторов, и этим обстоятельством вовсю пользовался Азеф.

Он был достаточно противоречивой фигурой. Видимо, в определенной степени сочувствовал целям партии и презирал полицию за тупость и реакционность. В результате он часто обманывал не только боевую организацию, но и полицию, ценя лишь собственную персону.

Причем благодаря хитрости, изворотливости ему длительное время удавалось избегать разоблачений как с той, так и с другой стороны. Начав сотрудничать с охранкой в 1892 году, в возрасте 23 лет, он был раскрыт лишь в 1908 году. Но и тогда сумел вовремя скрыться, прожив еще 10 лет.

Конечно, здесь мы не имеем возможности рассказать обо всей жизни и деятельности Азефа – это тема для целой книги. А потому ограничимся лишь несколькими эпизодами из его биографии.

Машина на холостом ходу

Первый из них относится к 1906 году, когда Азеф пользовался огромным авторитетом и у полиции, и у эсеров. Полиция полагалась на планы, разработанные Азефом, и следовала его советам. Он же, в свою очередь, разрабатывал для боевиков акции все более широкого масштаба. Например, он был одним из авторов плана покушения на министра внутренних дел Петра Столыпина. Того самого, который контролировал охранку и, следовательно, по идее, был осведомлен о намерениях террористов, регулярно получая сообщения от начальника Петербургского охранного отделения Герасимова.

Пикантность ситуации заключалась в том, что во главе боевиков в этот момент встал Азеф. А стало быть, охранке были известны все детали плана, состав участников покушения, места, где они скрывались, и т. д. Аресты могли быть произведены в любой момент, но это не входило в планы ни Азефа, ни Герасимова.

Азеф заявил, что поскольку однопартийцы уже начали его подозревать, арест работающих под его руководством боевиков неизбежно повлечет за собой полный провал его самого. А потому решили действовать так: никаких арестов пока не производить, но мешать реализации плана. Делалось это так.

Поначалу Азеф размещал наблюдателей, которые должны были следить за перемещениями Столыпина и составить график его поездок, таким образом, что они никак не могли увидеть министра. И проводя долгие часы на морозе или под дождем, наблюдатели начинали нервничать, их боевой пыл улетучивался.

Некоторые из них, впрочем, пытались самовольничать, меняли пункты наблюдений и, в конце концов, начинали понимать пути перемещений Столыпина. Получив доклад об этом, Азеф извещал Герасимова, и тот прибегал к приему «спугивания».

То есть по следу того или иного боевика пускали «брандера». Так на жаргоне охранки именовали филеров-топтунов, которые специально вели наблюдение так, что не заметить их мог только слепой.

В свою очередь, о слежке докладывали Азефу. Тот вроде бы сомневался, просил пере-проверить. А когда информация подтверждалась, отдавал приказ: все бросить, думать только о спасении членов организации. И давал подробные инструкции, в каком порядке должны

спасаться попавшие под наблюдение полиции боевики. Лошадей, экипажи, квартиры и т. п. – все это, конечно, бросали на произвол судьбы. Но боевики, следовавшие указаниям Азефа, благополучно скрывались от преследовавших их шпионов.

Потом, конечно, они начинали все сначала, однако время, драгоценное время уходило впустую. Да и партийная касса не была бездонной...

Эта тактика долгое время срабатывала безотказно. И если Столыпина все же убили, так вины в том Азефа нет: покушение в Киеве совершил студент Багров, который к петербургской боевой организации не имел никакого отношения.

Покушение на царя

Тем не менее, определенная тень подозрений на Азефа все же пала. Причем, как с одной, так и с другой стороны. Центральный комитет социал-революционеров посчитал, что боевики под руководством Азефа недостаточно интенсивно работали; Герасимов же стал подозревать, что, возможно, Азеф далеко не все ему докладывает...

Тогда Азеф пошел ва-банк. Он предложил Центральному комитету новую жертву – самого царя. И предложил на выбор несколько вариантов его устранения. Были, например, планы проникнуть во дворец в составе одной из монархических депутатий, которые приходили засвидетельствовать царю свои верноподданнические чувства. Кроме того, рассматривались варианты покушения во время царской охоты и одной из его поездок в Ревель.

Особые надежды как на главного исполнителя Азеф возлагал на одного молодого социалиста, который только что закончил семинарию и в качестве духовного лица через своих влиятельных родственников мог получить место в храме где-либо неподалеку от Царского Села.

Понятное дело, сам же Азеф и брался предотвратить цареубийство, поставив охранке жесткое условие: это будет последняя его акция. Слишком велик был риск, что его раскроют, и Азеф хотел уйти на покой, получив крупный куш, а также надежные документы для отъезда за границу.

Ему действительно удалось сорвать покушение на царя во время поездки в Ревель. Причем по ходу дела выяснилось, что Азеф осведомлен о всех деталях перемещений царя еще лучше, чем сам Герасимов. Из каких источников он черпал свою информацию? Сам Азеф ответить на этот вопрос категорически отказался. И заторопился с выездом за границу.

В июне 1908 года он покинул Россию, чтобы больше уже не возвращаться в нее. Но из дела пока окончательно не вышел. Свою любовницу, которая, конечно, вместе с ним уехала из России, он оставил в Германии, а сам поспешил в Париж и затем в Глазго (Шотландия), где шла подготовка к новому покушению на царя.

Новый план состоял в следующем: в Глазго, на верфях Виккерса, строился крейсер «Рюрик» – один из тех кораблей, которые должны были заменить старый русский флот, нашедший столь печальный конец в волнах Желтого моря. Для надзора за ходом работ и ознакомления с самим кораблем в Глазго были присланы основные кадры будущего экипажа крейсера. С их представителями вели пропагандистскую работу, чтобы найти исполнителей будущего теракта.

Работой социалистов, кстати, руководил инженер Костенко, весьма грамотный специалист, сумевший предсказать трагическую судьбу «Титаника». Он даже предупреждал о своих опасениях создателей самого крупного в мире лайнера, но те не захотели прислушаться к словам иностранца.

Костенко же предложил устроить покушение в тот момент, когда царь прибудет на смотр, который должен был быть устроен по приходу крейсера «Рюрик» в русский порт.

Совершить покушение можно было двумя способами. Либо кто-либо из членов экипажа мог застрелить царя из револьвера, когда тот приблизится вплотную, обходя помещения корабля. Либо устроить взрыв, заложив заряд по соседству с адмиральской каютой, где должен был состояться торжественный завтрак с присутствием царя и членов его семейства.

Азеф приехал в Глазго в середине июля. С помощью Костенко он получил – конечно, под чужой фамилией – разрешение осмотреть крейсер и исследовал все помещения, в том числе и те уголки, в которых предполагалось спрятать террориста, который должен был взорвать бомбу.

Вывод его был таков: план невыполним, слишком много случайностей могут его сорвать. Его соображения были настолько тщательно подготовлены, что этот вариант был отклонен. После этого вся надежда была на то, что среди членов экипажа удастся найти человека, который по существу должен пожертвовать собой – ведь шансы уцелеть, скрыться после выстрелов в царя были минимальны. Тем не менее, люди, согласные на самопожертвование, все же нашлись. Это были матрос Герасим Авдеев и вестовой Каптелович.

Особенные надежды возлагались на первого – очень смелого, энергичного и весьма революционно настроенного человека. Оба получили от боевой организации револьверы и написали прощальные письма, в которых объясняли мотивы своего поведения. Эти письма вместе с приложенными к ним фотографическими карточками взял с собой Азеф, объяснив, что опубликует их после покушения – народ должен знать своих героев. На самом же деле фотографии были нужны ему прежде всего для охраны, чтобы ее агенты знали террористов в лицо.

В середине августа 1908 года крейсер взял курс на Россию. Однако царский смотр состоялся только осенью, 7 октября. За это время оба потенциальных царевубийцы, что называется, перегорели. Обоим в решительную минуту не хватило смелости, хотя Авдеев по просьбе Николая даже принес ему лично бокал шампанского.

Впрочем, существует и иное объяснение, почему террористы не стали стрелять. Дескать, на крейсере возникла военная организация, которая готовила вооруженное восстание, подобное бунту на «Потемкине». Авдеев и Каптелович входили в состав этой организации и решили, что теракт приведет к срыву самого восстания.

Ведь после покушения на царя на крейсере, конечно, начнутся допросы и аресты, полиция неминуемо нападет на след организации и план захвата кораблей Балтфлота, базировавшихся в Кронштадте, неизбежно сорвется.

Похоже, Азеф об этом не знал. И когда услышал, что покушение не состоялось, подумал, что его раскрыли. И поспешно скрылся, оставив на видном месте в своей парижской квартире письмо Авдеева, подписанное его настоящим именем, вместе с приложенной к нему фотографической карточкой.

Это был своеобразный прощальный подарок Азефа охранке. Но ни она, ни сам Азеф уже не могли предотвратить надвигающихся событий, которые привели сначала к отречению царя, а потом и к гибели всего его семейства. Но это уж совсем другая история.

Артур Редль – жертва мистификации?

Накануне Первой мировой войны дело полковника австрийского Генерального штаба Артура Редля произвело эффект разорвавшейся бомбы. Его обвинили в шпионаже в пользу России, и полковнику не оставалось ничего другого, как пустить себе пулю в лоб. Но насколько правомерны были предъявленные ему обвинения? Не смахивает ли история Редля на другое громкое расследование – так называемое дело Дрейфуса, когда в 1894 году офицера французского Генштаба тоже обвинили в шпионаже, только в пользу Германии, и засадили беднягу в тюрьму пожизненно. И хорошо, что не расстреляли, поскольку последующее более тщательное разбирательство привело в 1906 году к полной реабилитации офицера.

Мастер тайных дел

Итак, по официальной версии сотрудников австро-венгерского Генерального штаба Урбанского и Ронге, а также начальника германской разведки Николаи, суть дела Редля была такова. Он попал в Генштаб исключительно благодаря своим способностям и невероятной трудоспособности. Сын скромного железнодорожного служащего из города Лемберг, расположенного близ российской границы, мог рассчитывать только на самого себя.

Правда, в некоторой степени его успеху способствовали вот какие обстоятельства. Родившись в городе, который населяли люди самых разных национальностей, Артур Редль с раннего детства стал полиглотом, свободно говорил на немецком, венгерском, польском и еще нескольких европейских языках.

С большими трудами отец пристроил способного юношу в кадетский корпус. Оттуда Артур перешел в офицерское училище и закончил курс настолько блестяще, что вопреки кастовым традициям Австро-Венгерской монархии вместо заштатного гарнизона был распределен сразу в Генеральный штаб.

Редль довольно быстро продвигался по службе. В 1900 году, будучи уже в чине капитана, он был командирован в Россию «для усовершенствования в языке и изучения обстановки в этой недружественной стране».

Говорят, именно тогда «среднего роста, седоватый блондин с короткими усами, несколько выдающимися скулами, улыбающимися вкрадчивыми глазами» и попал в поле зрения российской разведки.

Капитан любил повеселиться. Есть также намеки на то, что он был склонен к гомосексуализму. На этом его, дескать, и прищучили, с помощью шантажа и подкупа сделав тайным агентом российской разведки.

Так это или нет на самом деле, и по сей день остается неизвестным. Известно лишь, что, вернувшись в Вену, Артур Редль был в очередной раз приласкан своим начальством и вскоре стал помощником начальника разведывательного бюро Генерального штаба генерала барона Гизля фон Гизлингена.

Если Редль к тому времени действительно был завербован, то судьба несказанно улыбнулась ему. Ведь по своей новой должности он курировал агентурный отдел бюро, отвечавший за контрразведывательные операции. А стало быть, мог из первых рук узнавать все новости деятельности контрразведчиков, отводить по мере сил подозрения от себя и своих помощников, если таковые у него имелись.

Так или иначе, но на посту начальника контрразведки Редль отлично проявил себя, применив новые методы и технологии работы. Именно он ввел в практику спецслужбы негласное дактилоскопирование и тайное подслушивание с записью на грамофонную пластинку, одним из первых в мировой практике стал применять фотографирование скрытыми камерами. Наконец, именно полковнику Редлю приписывают изобретение микрофильмирования, когда фотографическими методами изображение того или иного документа уменьшают до такой степени, что прочесть текст удается лишь под сильным микроскопом. Саму микрофишу или микроточки легко спрятать, например, под почтовой маркой на конверте, за подкладкой одежды, в женской прическе, в украшениях или ином потайном месте.

Агент на контракте?

Впрочем, главным достоинством Редля считалось то, что он время от времени только по ему известным каналам добывал уникальные секретные документы русской армии, а также выявил нескольких российских шпионов.

С одной стороны, это действительно может свидетельствовать о сотрудничестве Редля с российской разведкой, которая «сдавала» ему вышедших в тираж агентов, а также снабжала фальсифицированными сведениями. Но с другой стороны, как отмечают исследователи биографии Редля, количество и качество документов были таковы, что российские разведчики волей-неволей должны были нанести изрядный урон собственной стране.

Тем не менее, при расследовании победила официальная точка зрения, согласно которой «полковник Редль выдал России огромное количество копий документов, кодов, фотографий, планов, секретных приказов по армии, мобилизационных мероприятий, докладов о состоянии железных и шоссейных дорог, описаний образцов военного оборудования и т. д.», – пишет по этому поводу известный историк Эдвин Вудхолл.

В Россию ушли также мобилизационные планы Австро-Венгрии, в которых «были указаны все подробности вплоть до последнего человека и последней пушки...»

Помимо этого, Редль по мере возможности скрывал от своего Генштаба те секретные сведения, которые поступали из России от австро-венгерских агентов, сообщал об их деятельности за рубежом, что приводило к скорому провалу агентуры.

За все это Редлю щедро платили. Об этом красноречиво говорила роскошная обстановка его квартиры, в шкафах которой при обыске были обнаружены 195 верхних рубашек, десять военных шинелей на меху, 400 пар лайковых перчаток, десять пар кожаных ботинок... Вдобавок ко всему, в винном погребе нашли «сто шестьдесят дюжин бутылок лучшего шампанского». Кроме того, в ходе расследования стало известно, что в 1910 году Редль купил обширное поместье, а за последние пять лет жизни приобрел четыре автомобиля и трех первоклассных рысаков.

Все это, конечно, наводит на определенные размышления. Однако не будем забывать и то, что в 1907 году, получив внеочередное звание полковника, Артур Редль стал вторым человеком в аппарате австро-венгерской военной разведки и контрразведки. Ему прочили пост начальника разведки и даже начальника Генштаба. А стало быть, через его руки и так проходили большие деньги, предназначенные для финансирования тайных операций, подкупа нужных чиновников и чинов...

Редля подставили?

Тем более, что по свидетельству самих же следователей, попался Редль довольно глупо, «подорвался» на своей же «mine». Дело в том, что еще в начале своей деятельности он организовал так называемую «черную комнату» для перлюстрации корреспонденции. Если среди почты попадалось подозрительное письмо до востребования, то о нем давалось знать почтовым чиновникам по месту назначения. И когда адресат являлся за своей корреспонденцией, почтовый чиновник тайно вызывал филеров.

Так что, обнаружив в письме на имя некоего господина Ницетаса семь тысяч крон, филеры постарались выявить личность получателя. К их удивлению, при ближайшем рассмотрении Ницетасом оказался не кто иной, как сам полковник Редль. А когда он увидел, что агенты направляются прямо к нему, стал рвать на мелкие клочки и разбрасывать по улице некие бумажки.

И тут, согласно официальному донесению, произошла довольно странная вещь. Вместо того, чтобы бежать за Редлем и немедленно арестовать его, филеры кинулись собирать клочки бумажек, оказавшиеся почтовыми квитанциями на получение других отправлений.

К самому же Редлю пришли лишь поздно ночью. Говорят, так было сделано для того, чтобы не возбуждать излишний интерес к его аресту. «Я знаю, зачем вы пришли, – сказал полковник вошедшим офицерам. – Я пишу прощальные письма...»

Далее Редль рассказал, что соратников у него нет, он предпочитал действовать в одиночку, а все доказательства противоправной деятельности спрятаны в его доме в Праге.

После этого офицеры вроде бы ушли, оставив Редлю револьвер. А когда вернулись, он был уже мертв. И 26 мая 1913 года газеты Австро-Венгерской империи поместили сообщение о неожиданном самоубийстве полковника Редля, «которому светила блестящая карьера». Ниже сообщалось о предстоящих торжественных похоронах...

Неужто слесарь виноват?

Однако уже на другой день после похорон поползли слухи, что гибель полковника Редля была не столь уж загадочной. Пражская газета «Прага тагеблатт», например, сообщила, что «одно высокопоставленное лицо просит нас опровергнуть слухи относительно полковника Редля, который будто бы обвиняется в том, что передавал России военные секреты. На самом же деле комиссия высших офицеров, приехавшая, чтобы произвести обыск в его доме, преследовала совсем иную цель».

Понятное дело, такая публикация еще больше подлила масла в огонь.

Но откуда редакция узнала об обыске, проводившемся в столь глубокой тайне, что даже самого императора Франца Иосифа о нем не извещали? Согласно некоторым данным, утечка информации произошла из-за слесаря Вагнера, который вскрывал замки в доме Редля. Как назло, именно в это время проходил футбольный матч любительских команд, капитаном одной из которых был редактор газеты «Прага тагеблатт», а слесарь – центром нападения и первым забивалой.

Из-за отсутствия Вагнера команда проиграла. И он, оправдываясь, объяснил капитану-редактору причину своего отсутствия. Тот понял, что случайно попал на сенсацию, и в условиях строгой цензуры изложил ее эзоповским языком.

Но эта версия, вообще-то говоря, шита белыми нитками. Хотя бы потому, что в доме Редля не обнаружили никаких шпионских материалов. И это понятно: только последний идиот будет хранить у себя в доме компрометирующие документы. Да и зачем он стал бы рвать квитанции на глазах у филеров, прекрасно зная, что они подберут все клочки и склеят их? Далее, почему Редлю позволили уйти в мир иной тотчас же после первого допроса? Ведь, по идее, из него можно было выудить еще множество ценнейшей информации...

Все эти вопросы разрешаются сами собой, если предположить, что полковника Редля просто сделали козлом отпущения. И вся операция по его «разоблачению» прошла под диктовку российских спецслужб. Они же подставили его специально, прикрывая дымовой завесой кого-то другого, более важного агента...

В качестве такой кандидатуры, например, называют агента № 25 – весьма загадочную личность, вроде бы завербованную полковником русской армии Владимиром Роопом. Он (или она) был законспирирован настолько, что и по сей день неизвестно, кто именно скрывался под этим номером.

В пользу этой версии говорит хотя бы тот факт, что ценные сведения такого же характера, которые мог добывать полковник Редль, продолжали поступать в российский Генштаб и после его гибели. Австрийская же контрразведка попалась на удочку, повесив всю вину за свои провалы именно на Редля.

Романтик или подлец? (Лоуренс Аравийский)

Полковник сэр Томас Эдвард Лоуренс похоронен в лондонском соборе Святого Павла среди британских военных героев и знаменитых аристократов. Чем же заслужил такую честь человек, сказавший о себе однажды: «Я в общем-то похож на пешехода, который всего лишь ловко увертывается от мчащихся автомобилей»?

Почитатель Востока

Многочисленные романы и фильмы о Лоуренсе весьма романтизировали и настолько исказили его облик, что уже трудно разобрать, где правда, а где ложь. Но давайте все же попробуем отделить зерна от плевел, основываясь на тех фактах, которые подтверждаются документально.

Согласно биографической справке, Томас Эдвард Лоуренс родился 15 августа 1888 года. Отец его был англичанином, мать ирландкой. Хотя семья жила небогато, Томаса, тем не менее, отправили учиться в Оксфорд – сначала в закрытую школу, а потом и в университет.

Об этом периоде своей жизни сам Лоуренс вспоминал без особой теплоты. Школу он, по его словам, «ненавидел от всей души», и всем урокам предпочитал чтение книг по истории и археологии, о походах крестоносцев на Восток.

Казалось бы, ему прямая дорога в историки или в археологи, однако в 1910 году, то есть в возрасте всего 22 лет, он уже значился агентом английской разведки. Где и как его завербовали, Томас, конечно, не афишировал. Но постарался извлечь максимум пользы из своих детских увлечений. Он обосновался на Арабском Востоке, где стал изучать быт, нравы и обычаи арабов, их религию, язык, включая наречия многих бедуинских племен. Он испещрил вдоль и поперек весь Аравийский полуостров, побывал практически во всех оазисах.

Однако вовсе не исследовательский пыл этнографа двигал им в этих путешествиях. Лоуренс заводил знакомства, а то и дружбу с вождями арабских племен, выискивал их сильные и слабые стороны, чтобы затем использовать эти связи в интересах британской короны.

От Арабского бюро британской разведки он получил задание следить за развитием националистического движения арабов в границах Османской империи.

Дело в том, что все арабские земли и проживавшие там народы находились в то время под властью Турции. Но с началом Первой мировой войны появилась возможность пересмотра границ и сфер влияния.

Однако воевать с турками английским регулярным войскам, непривычным к условиям пустыни, оказалось весьма непросто. Зато к месту пришлось небольшие диверсионные группы, состоявшие большей частью из уроженцев этих мест. В общем, англичане, как всегда, хотели разгрести жар чужими руками. Лоуренс же должен был координировать действия этих групп, снабжать их оружием, взрывчаткой и прочим спецснаряжением. А заодно и информировать свое начальство о скрытых течениях в среде самих арабов.

Во главе одной части бунтовщиков стал Абд эль-Азид ибн Сауд, лидер религиозной секты ваххабитов. Главой же политико-религиозного клана хашимитов был шейх Мекки, Хуссейн ибн Али, провозглашенный в 1916 году королем Хиджаза. И они враждовали между собой. Так кого же поддерживать – ибн Сауда или Хуссейна? Ваххабитов или хашимитов? Единства по этому поводу среди англичан не было.

Скажем, верховный британский комиссар в Каире сэр Генри Макмагон и шеф военной разведки на Ближнем Востоке майор Астон сделали ставку на хашимитов. Они даже посулили Хуссейну, что после распада Османской империи он вместе с сыновьями станет во главе будущей арабской конфедерации.

В то же время Индийское бюро английской разведки поддерживало ваххабитов. Его представитель Сейнт Джон Филби (кстати, отец Кима Филби, впоследствии работавшего на советскую разведку) в 1917 году отправился в Эр-Риад с совершенно секретным заданием. Он должен был сообщить ибн Сауду, что король Георг V именно его намерен сделать главой арабской конфедерации.

Томас Лоуренс старался поспеть всюду. Белокурый и голубоглазый, он никак не походил на араба. Но вскоре он загорел дочерна и одетый в бурнус, прикрывая лицо якобы от песка, Лоуренс уже почти не выделялся на общем фоне. Впоследствии он сравнивал свою деятельность с актерской игрой. С той лишь разницей, что играть роль приходилось круглые сутки «в течение ряда месяцев, не зная отдыха и с большим риском».

А превосходное владение арабским языком, упорство в достижении поставленной цели и большие деньги, которыми снабжала его британская разведка, позволяли ему даже лидировать во многих ситуациях. Действуя умело и напористо, Лоуренс сумел стать любимцем Хуссейна и его сына Фейсала. Они настолько доверяли ему, что начавшимся восстанием против турок фактически руководил Лоуренс, получивший к тому времени звание полковника.

О его роли знали и турки. Не случайно они назначили за голову Лоуренса Аравийского награду в двадцать тысяч фунтов стерлингов – огромные по тем временам деньги. Отряды Фейсала – Лоуренса причинили большой ущерб турецкой армии, постоянно действуя на их коммуникациях партизанскими методами.

И они, в конце концов, добились своего. По окончании Первой мировой войны Великобритания закрепила свое господство на Аравийском полуострове, получила новые колонии.

Провокатор в Афганистане

Лоуренс же занялся другими делами. В 1921 году с подачи Уинстона Черчилля, ставшего министром по делам колоний, наш герой получил пост политического советника в управлении по делам Среднего Востока. Однако просидел он в теплом кресле недолго. То ли авантюрный характер тому причиной, то ли какие-то служебные промахи привели к этому,

но Лоуренс неожиданно покинул свой престижный пост в министерстве и в августе 1922 года поступил слушателем в британскую военную академию. Причем под фамилией Росс.

Но и там он задержался недолго. Через полгода его опознал и публично разоблачил офицер, знавший его по прежней деятельности. В академии решили, что Лоуренс-Росс при- слан к ним шпионить, и ему пришлось уйти.

Он отправился восвояси, а точнее – на границу Индии с Афганистаном. Там Лоуренс выступал сразу в двух обликах: англичане знали его как бортмеханика Шоу, перед мест- ными жителями он же выступал в роли священнослужителя Пир-Карам-шаха.

Задание же Лоуренса состояло в следующем. В то время эмиром Афганистана был Аманулла, который пытался противостоять британскому влиянию. Поэтому его решено было сместить, посадив на престол другого эмира, который бы подчинялся британской указке. Этим и занялся полковник Лоуренс.

Для достижения своей цели он не стеснялся в средствах. В 1927–1928 годах он вошел в контакт с разбойником Бачайи Сакао. Этот головорез прославился тем, что убил собствен- ного отца и жену, не считая десятков других людей, включая муллу. Вот на этого убийцу и сделал ставку Лоуренс. Он пообещал Сакао афганский трон, если тот поможет сбросить Аманулла.

Впрочем, действовал Лоуренс не только грубой силой. Его агенты стали распростра- нять слухи, что Аманулла нарушает законы Пророка – отвергает ношение чалмы, застав- ляет женщин снимать чадру, велит им ходить в школы, разрешает мужчинам брить бороду и усы... А в доказательство демонстрировали фотографии девиц, сидящих в откровенных позах на коленях мужчин. Вот, дескать, какие порядки хочет установить Аманулла.

В итоге репутация Амануллы пошатнулась настолько, что когда Бачайи Сакао со своей бандой захватил Кабул, ему никто особо не противился. И он провозгласил себя эмиром.

Лоуренс счел свою задачу выполненной. Тем более, что он понимал: бандит Сакао долго у власти не продержится. А потому в начале 1929 года поспешил вернуться в Лондон.

Он оказался провидцем: в октябре 1929 года Бачайи Сакао был действительно свергнут с афганского трона и казнен. Но и самому Лоуренсу не поздоровилось: депутаты от лейбо- ристской партии сделали запрос в парламенте относительно походов Лоуренса в Афга- нистане. И 42-летний полковник был вынужден выйти в отставку и засел писать мемуары. Он написал две книги: «Восстание в пустыне» и «Семь столпов мудрости», не оставляя, впрочем, надежды вернуться к активной деятельности. С этой целью установил контакт с вождем английских фашистов Освальдом Мосли, намеревался встретиться и с Гитлером – вдруг у того найдется работа для отставного шпиона.

Однако этим намерениям не суждено было сбыться – 19 мая 1935 года Лоуренс Ара- вийский погиб, разбившись на мотоцикле. Говорят, это была случайность... А может кому- то просто надоели похождения отставного полковника?..

Сбежавший муж (Васмус Персидский)

Впрочем, несмотря на темные пятна в биографии британского полковника Лоуренса Аравийского, у него все же нашлись последователи. Одним из них стал немец с загадочной биографией, которого по аналогии с его кумиром прозвали Васмусом Персидским.

Консул в Персии

О его происхождении, а также годах молодости сведений нет. Известно лишь, что родился он в 1883 году, и поначалу его карьера на дипломатическом поприще продвигалась не слишком удачно. В 1914 году он занимал пост консула в персидском Бушире и, казалось бы, ничем особым проявить себя не мог. Однако вскоре он зарекомендовал себя человеком, хорошо знающим и весьма чтящим местные обычаи, что обеспечило ему уважение и признательность влиятельных кругов Персии. Слухи об этом достигли ушей Вильгельма II, и тот приказал повысить Васмусу оклад, а также увеличить суммы на пропаганду и представительство.

Дело в том, что хотя Персия накануне Первой мировой войны была весьма отсталой страной, большинство населения которой было неграмотно, Россия, Англия, Германия и другие страны мечтали закрепиться в ней из-за богатых запасов «черного золота». Особо острым было соперничество между немцами и англичанами.

Дело дошло до того, что по международному соглашению для поддержания порядка в нефтеносных районах была создана нейтральная жандармерия, основу которой составляли шведские войска. Васмус сумел подружиться с жандармским начальством и то стало смотреть сквозь пальцы на его действия.

Брак по расчету

Приятная жизнь лафа кончилась с началом военных действий. Германия и Англия оказались по разные стороны баррикад. Англичане стали захватывать все новые районы Персии, вытесняя германских дипломатов. А когда Васмус категорически отказался уезжать, то его взяли под стражу как «нежелательного и враждебного иностранца» и держали под домашним арестом, собираясь конфисковать все его имущество.

Васмус понял, что шутки плохи, и под покровом ночи сбежал, прихватив с собой мешок со ста сорока тысячами марок золотом. Обосновался он в горах, где у него были друзья среди местных князьков. Увидев мешок с золотом, они воспылали уважением к Васмусу и вместе с ним стали вести партизанскую войну с англичанами. Одновременно Васмус стал исполнять и роль резидента германской секретной службы в зоне Персидского залива.

Но свою задачу он видел не только в сборе информации для главнокомандующего германскими войсками на Ближнем Востоке генерала Лиман фон Сандерса. Он хотел помешать англичанам заполучить персидскую нефть, включив всю южную Персию в сферу германского влияния.

Для этого Васмус пошел на беспрецедентный шаг: он женился на дочери одного из влиятельнейших персидских вождей. Причем, несмотря на то, что согласно местным обычаям все свадебные расходы должен был оплачивать отец невесты, Васмус настоял на том, чтобы все расходы были отнесены на его счет – так, дескать, принято в его стране. В итоге отцу невесты и многочисленным гостям были сделаны весьма ценные подарки, что, конечно, способствовало росту популярности Васмуса.

Бежать надо, сын мой, бежать...

Британская разведка, кстати, установила впоследствии, что половина гостей свадьбы была, между прочим, завербована Васмусом. В итоге шпионская его сеть раскинулась между Индией, Суэцем, берегами Тигра, Евфрата и Персидского залива. Агентура работала настолько эффективно, что в течение четырех лет большой район Персии, размером с Францию и Англию вместе взятые, на схемах британской разведки был обведен красным, как весьма опасный.

Кроме того, Васмус зафрахтовал множество мелких судов, которые контролировали пути между Индией и Европой через ближневосточные моря. Таким образом он был в курсе всех перевозок войск и грузов. Его агенты добывали информацию в Палестине, Дарданеллах, Месопотамии и даже в Восточной Африке и Турецкой Армении. И эти ценнейшие данные благодаря отлаженной системе связи без задержек поступали к германскому командованию.

В общем, Васмус настолько насолил англичанам, что они назначили награду в размере трех тысяч фунтов стерлингов за его голову. Постепенно сумма награды возрастала, и к 1917 году за его поимку предлагали уже 15 000 фунтов.

Однако, по мере того, как дела на фронтах Первой мировой войны у Германии шли все хуже, ухудшалось и положение самого Васмуса. Ему перестали верить, со всех сторон навалились кредиторы. И когда Германия оказалась на грани краха, тесть Васмуса Ахрам посоветовал ему бежать. И следы его с той поры затерялись.

Нечаянная шпионка (Мата Хари)

В некоторых источниках можно прочесть, что Мата Хари была супершпионкой, сумевшей окопачить сразу несколько разведок. Однако, насколько это мнение соответствует действительности? Действительно ли она снабжала своих хозяев ценной информацией или только числилась по «шпионскому ведомству», а деньги ей платили совсем за иные услуги? Давайте попробуем разобраться...

Он ее бил, она его бросила

Маргарет Гертруда Целле – таково настоящее имя нашей героини – родилась 7 августа 1876 года в голландском городке Лаувардене в семье шляпного мастера. Вскоре отец разорился и сбежал из дома, а мать умерла, оставив девочку круглой сиротой. Ее взял на воспитание дядюшка. Но чем больше девушка подрастала, тем меньше ей нравилась окружающая ее убогая провинциальная жизнь.

И она, воспользовавшись первым же удобным случаем, выскочила замуж за капитана колониальных войск Рудольфа Маклеода. Муж увез ее сначала на Суматру, а затем на Яву. Но Маргарет вскоре стало не до экзотики. Капитан оказался весьма жестоким человеком, тиранившим всех и вся. Дело дошло до того, что денщик, доведенный им до отчаяния, попытался отравить детей своего хозяина. В итоге сын Норман погиб, дочь Гертруду едва удалось спасти. Бил муж и Маргарет. И в 1903 году она бросила семью, уехала в Европу. Чтобы как-то прокормиться, в Париже Маргарет Целле-Маклеод устроилась сначала наездницей в цирк, а затем перешла на эстраду, где стала танцевать нечто похожее на ритуальные танцы дикарей Явы и Суматры.

Для сцены она взяла экзотическое имя «Мата Хари», что можно перевести как «глаз утренней зари».

Немецкая шпионка

Великолепная пластика движений, свойственная Маргарет от рождения, плюс экзотика танцев, исполнявшихся в весьма откровенных нарядах, привлекала на выступления Маты Хари множество народа. Деньги рекой потекли в ее кошелек. Она приобретала виллы, цен-

ные бумаги, драгоценности... Но все это почему-то исчезало столь же быстро, как и появлялось. Вскоре она оказалась в долгах, как в шелках, и была вынуждена скрываться от кредиторов.

Видимо, в поисках дополнительных средств она и взялась выполнять обязанности шпиона. Тем более ее постоянные разъезды, знакомства в среде военных и иных важных чинов предоставляли ей отличные возможности для получения ценной информации.

А поскольку чувство патриотизма ей, похоже, было вообще неизвестно, она в выборе хозяев руководствовалась лишь меркантильными интересами.

Говорят, первой на нее обратила внимание немецкая разведка. В пользу этой версии говорит тот факт, что у германской спецслужбы она проходила под шифром Н-21, а буквой «Н» обозначались лишь старые, еще довоенные агенты. Тем же, которые были приобретены после начала военных действий Первой мировой войны, присваивался индекс АФ.

Теперь пофлиртуем с французами

Существует версия, что Мата Хари была завербована германским военным атташе в Мадриде Гансом фон Калле, любовницей которого она была какое-то время. Эта версия до некоторой степени похожа на правду, ибо впоследствии именно из Мадрида поступали роковые для Маты Хари шифровки.

Впрочем, это лишь одна версия из многих. И, в конце концов, наверное не важно, как она стала шпионкой и кто ее первым завербовал. Важнее другое. Поскольку Мата Хари всегда нуждалась в деньгах, гонорары от одной разведки ее не удовлетворили. И она приняла решение попробовать подоить еще и французов.

Для этого Мата Хари отправилась на прием к начальнику контрразведки капитану Ляду. Благо повод для такого визита вскоре нашелся вполне благовидный: ей понадобился пропуск в прифронтовой город Виттель, куда ее давно приглашал мэр и где она намеревалась не только выступить, но пройти там курс лечения.

Мило пофлиртовав с капитаном Ляду, Мата Хари получила не только желанный пропуск, но и приглашение... поступить на службу во французскую разведку. Она его приняла, ничего не сказав о том, что уже числится в штате германской. Однако при расставании капитан Ляду многозначительно намекнул ей, что нельзя работать на два фронта, иначе дело может кончиться плохо. Видимо, у него возникли какие-то опасения на счет новой агентессы. И они вскоре оправдались.

В то время французской разведке был известен шифр, по которому германский военный атташе в Мадриде, куда после Виттеля и отправилась Мата Хари, сносился с верховным командованием в Берлине. А потому вскоре Ляду принесли расшифрованную телеграмму, в которой говорилось:

«В Мадрид прибыл агент Н-21. Сообщает, что ему удалось поступить на французскую службу. Просит инструкций и денег. Сообщает следующие данные о расположении полков... Указывает также, что французский государственный деятель N находится в близких отношениях с иностранной принцессой...»

В ответной телеграмме германского штаба предписывалось: «Предложите агенту Н-21 вернуться во Францию и продолжать работу. Чек Кремера в 5 тысяч франков можно получить на Котуар д'Эсконт».

Капитан Ляду сопоставил известные ему факты и решил, что агент Н-21 это и есть Мата Хари. Но с арестом ее решил не торопиться. И оказался прав.

От своего любовника, германского резидента Ганса фон Калле, Мата Хари узнала, что немцам известно о намеченной англичанами высадке десанта в марокканском порту. Она

немедленно направилась к французскому резиденту в Мадриде полковнику Данвиню и сообщила ему об этом. Полковник направил шифровку в Париж и десант был спасен от разгрома.

Однако немцы, в свою очередь, перехватили радиограмму и расшифровали ее. Поняв, откуда «дует ветер», руководство разведки сделало суровый выговор Гансу фон Калле. Тот, естественно, воздал должное своей любовнице.

Та же, сообразив, в чем дело, вновь побежала к Данвиню и ошеломила его известием: немцы знают французские шифры и читают французские радиограммы. Одним этим, не считая того, что своим первым сообщением она спасла жизни сотням солдат и матросов, Мата Хари отработала те гонорары, которые она получала от Ляду и его коллег.

Но, продолжая играть за две стороны сразу, она подвергла свою жизнь смертельной опасности. Теперь ей не доверяли ни французы, ни немцы. И обе разведки лишь ждали удобного случая, чтобы свести счеты с ветреной шпионкой.

Не будите женщину на рассвете!

На сей раз первыми оказались французы. Капитан Ляду пообещал ей миллион франков за поставленные сведения. Но когда Мата Хари вернулась во Францию, чтобы получить деньги, ее арестовали.

С 13 февраля по 24 июля 1917 года длилось следствие по этому делу. Следователи понимали, что Мата Хари не матерый шпион, а просто взбалмошная авантюристка. Однако на них давило общественное мнение и пресса. Газетчики потчевали своих читателей душераздирающими подробностями деятельности Маты Хари, черпая сведения из неизвестных источников. Согласно им получалось, что из-за предательства Маты Хари были потоплены 17 кораблей и погибло не менее дивизии солдат. Положение несчастной женщины усугублялось тем, что эти сообщения печатались по соседству с военными сводками, свидетельствующими о провале «операции Нивеля» – весеннего наступления французских войск, в котором погибло более 220 000 солдат и офицеров. И в этой неудаче тоже обвиняли немецких шпионов...

Это было проще, чем сказать прямо, что операция провалилась прежде всего из-за бездарности самого генерала Нивеля и его штаба. Все они, кстати, чуть позднее были смещены со своих постов и уволены из армии.

Ну а чтобы хоть как-то успокоить общественное мнение, отыгрались на Мате Хари. Ранним утром 15 октября 1917 года ее разбудили. Она не поверила, что жизни настал конец, и капризно воскликнула: «Так рано! Что за манера будить женщину на рассвете!»

Но вскоре поняла, что дело весьма серьезно. Ей разрешили написать три коротких письма – некоему сановнику, ее возлюбленному Вадиму и дочери, а затем вывезли в лес на окраине Венсенского полигона и расстреляли.

Так закончилась жизнь реальной женщины, и началась эра существования красивых легенд о супершпионке Мате Хари, растиражированных в многочисленных фильмах, книгах и очерках.

Полет «Жаворонка (Марта Рише)

В отличие от Маты Хари, имя французской Марты Рише известно почему-то куда меньше, а ведь пользы она принесла своему отечеству намного больше. Сама Марта прекрасно понимала всю тяжесть и ответственность той работы, которая легла на ее плечи. В книге воспоминаний «Моя разведывательная работа» она, в частности, писала: «Быть разведчиком – это значит прежде всего служить. Секретная служба выполняется в абсолютной тайне, ее солдаты погибают молча, как будто проваливаются в люк. Ужасное ремесло»... Когда изможденная, на грани нервного срыва, отдав себя всю исполнению взятой на себя миссии, Марта вернулась во Францию, жандармский лейтенант узнал ее на границе. Вытянувшись, он отдал честь и сказал негромко: «С возвращением, „Жаворонок“!»

Судьба красивой женщины

Родилась Марта, урожденная Бетенфельд, в 1891 году в Лотарингии, в немецкой семье. О детских и юношеских годах ее практически ничего не известно. Газеты впервые написали о ней лишь в 1913 году, когда в возрасте 22 лет она стала одной из первых женщин-пилотов во Франции. На следующий год Марта вышла замуж за собрата по небу – военного летчика Анри Рише. Однако их счастье было недолгим; в 1915 году муж погиб на фронте.

После гибели мужа Марта решила отомстить немцам за смерть любимого. Для этого сначала она сама попыталась стать военной летчицей. Однако женщин в боевую авиацию во Франции не брали. И тогда она предложила свои услуги Пятому отделу – службе французской контрразведки, которую возглавлял уже известный нам капитан Ляду. Ей дали псевдоним «Жаворонок» и тут же отправили в Испанию, на пляжи Сан-Себастьяна.

Ее начальство полагало, что на красивую женщину обязательно «клянет» кто-нибудь из немецких агентов, которых по агентурным данным в Испании было немало. Действительно, в скором времени Марта оказалась в сетях барона фон Крона, немецкого военного атташе в Мадриде.

Впрочем, племянник генерала Людендорфа, сам кадровый военный, был отнюдь не сентиментален. Поняв, что Марта нуждается в средствах, он без обиняков предложил ей высокооплачиваемую работу. «Меня немного ошеломила быстрота, с которой мы договорились», – вспоминала она сама. Новоявленному агенту присвоили псевдоним С-32, снабдили деньгами, инструкцией, средствами тайнописи и дали первое задание, пострадав на прощание. Дескать, у немецкой разведки руки длинные и в случае чего Марту найдут даже за океаном.

Любовница-шпионка

Вернувшись в Париж, Марта доложила обо всем капитану Ляду, тот пришел в восторг. И дал Марте понять, что теперь она должна проявить себя не только как разведчица, но и как женщина, став любовницей генерала.

Вскоре Марта вернулась в Испанию. Фон Крон принял ее в Сан-Себастьяне, разместил в шикарном особняке и... уложил в собственную постель.

«Он был мне ненавистен как враг и отвратителен как мужчина, – писала впоследствии Марта. – Если в дальнейшем мое сомнительное предприятие и увенчалось успехом, то я обязана этим главным образом именно жгучей ненависти, которая вызывала у меня чувства смелости, жестокости и коварства».

Используя доверие фон Крона, Марта сумела разузнать очень многое. Например, это она выступала в роли его «связника», ведя переговоры с марокканцами, которые готовили с помощью немцев восстание в своей стране, контролируемой французами. Марта сумела узнать маршрут и время прохода конвоя судов с оружием для марокканских повстанцев, и мятеж не состоялся.

А некоторое время спустя ей удалось раскрыть тайный переход через Пиренеи, которым пользовалась немецкая разведка. Для этого она пошла на чисто женские хитрости: во-первых, инспирировала «слежку» со стороны французов, которая лишала ее возможности легального возвращения во Францию, а во-вторых, симулировала беременность от фон Крона, избавиться от которой можно, дескать, только во Франции. Волей-неволей пришлось фон Крону отправлять ее через тайный переход.

Затем фон Крон помог ей организовать салон красоты «Зеркало жаворонков», который он намеревался использовать в своих интересах – для маскировки и гримировки направляемых во Францию агентов. Марта же сумела, делая прически и окрашивая волосы, создавать такие приметы, которые помогали вылавливать прибывающих во Францию шпионов.

Какая польза от сломанной ноги?

Она извлекала пользу из самых, казалось бы, печальных ситуаций. Однажды они с фон Кроном попали в автомобильную аварию, и Марта со сломанной ногой пролежала два месяца в постели. Тем не менее, находясь неотлучно в доме Крона, она прослушивала его разговоры с агентами, выведывая ценнейшую информацию.

Но каково же было ее горе, когда, передав данные о готовившемся взрыве порохового завода Буно вблизи Байонны, она узнала из газет, что завод все же был взорван, погибли 90 человек.

Тогда она задумала новую акцию и сообщила капитану Ляду, что намерена открыть сейф барона фон Крона и выбросить из окна все его содержимое – картотеку агентов, данные о минных заграждениях и пунктах снабжения немецких подлодок, шифры и т. д. – в назначенный день и час. Но так и не дождалась условного сигнала, который должен был дать помощник, прибывший, чтобы подобрать под окном посылку.

Марте перестали доверять. Она поняла это, получив письмо от матери, в котором та писала, что во французских газетах пишут о ней как о предательнице.

Хуже того, ее теперь пытались устранить с обеих сторон. Дело дошло до того, что ее даже хотели утопить во время катания на лодке на одном из приморских курортов Испании, куда она поехала долечивать заживающую ногу. Марту спасло лишь то, что она была сильна физически и великолепно плавала. Она сумела отбиться от нападавших. И каково же было ее удивление и горечь, когда, связавшись с фон Кроном, узнала, что покушение – дело рук агентов немецкого военного атташе, фон Калле, соперничавшего с фон Кроном.

Тогда она вышла из игры, громко хлопнув дверью. А именно напрямую заявила фон Крону, что шпионила за ним. Когда же тот, взбешенный, с такой яростью ударил Марту по лицу, что выбил зуб, отправила немецкому посланнику, князю Ратиборду, все любовные письма фон Крона, указала сочетание цифр, открывавших его сейф, и добавила, что тот содержал ее на деньги, которые предназначались для оплаты агентов. Таким образом, вся шпионская сеть фон Крона была нейтрализована. Резидентуру нужно было создавать заново.

Героине воздают должное

Как бы в награду за откровенность, немцы не стали препятствовать отъезду Марты во Францию. Но вот на родине встретили ее неласково. Новый начальник Пятого отдела пол-

ковник Губер, заменивший Ляду, заявил, что больше не нуждается в услугах провалившегося агента.

Так закончилась эпопея «Жаворонка». И лишь пятнадцать лет спустя, уже после окончания Первой мировой войны, правительство Франции сочло необходимым отдать должное национальной героине. В январе 1933 года Марта Рише получила орден Почетного легиона, с нее были сняты все обвинения в предательстве.

Марта вышла второй раз замуж и уехала в Англию. Здесь, на островах она могла бы тихо отсидеться во время Второй мировой войны. Но она вернулась, участвовала в Сопротивлении, и после победы была избрана муниципальным советником парижской мэрии, продолжая работать на благо Франции.

Жизнь тихого цензора (Жюль-Крофорд Зильбер)

Впрочем, не надо думать, что немцы были такие уж дураки и позволяли женщинам обводить себя вокруг пальца. Например, одним из самых умных и удачливых шпионов Первой мировой войны был Жюль-Крофорд Зильбер.

Почти англичанин

Будучи немцем по крови, Зильбер выглядел как англичанин, безукоризненно говорил по-английски. Это и понятно: большую часть жизни он провел за пределами Германии, в странах, входивших в Британскую империю.

В самом начале войны он вернулся в Европу. Причем в сентябре 1914 года Зильбер въехал в Англию из США и Канады, имея на руках паспорт подданного нейтрального государства и документ, подтверждавший его деятельность в пользу англичан против буров. Этого хватило для того, чтобы ему выдали вид на жительство в Англии. И он тут же нашел себе соответствующее применение. Зная в совершенстве несколько языков, он устроился на работу в бюро цензуры. Там приходилось перлюстрировать письма, написанные не только на всех европейских языках, так что познания полиглота Зильбера были весьма кстати.

Он же в свою очередь получил возможность выведывать из писем и разговоров с коллегами немало ценной информации. А поскольку он работал один, поддерживая со своим Центром одностороннюю связь, то свел риск провала к минимуму.

Используя служебное положение...

И тут он использовал свое должностное положение. Он отправлял письма за границу, поставив на них пометку: «Просмотрено военной цензурой». Причем шли они отнюдь не в Германию, а в одну из нейтральных стран. Причем Зильбер практически никогда не использовал один и тот же адрес дважды. Он разнообразил свою переписку, справляясь со «Списком подозрительных лиц», всегда имевшимся у него под рукой на работе.

Список этот содержал адреса известных английской разведке почитателей немцев. И Зильбер мог быть уверен, что, получив подозрительное письмо, адресат тут же передаст его немецкому резиденту.

Даже наткнувшись на «подставу» английской разведки, Зильбер мало чем рисковал – ведь обратный адрес на конверте был им выдуман.

Впрочем, в его работе были свои сложности. Например, работая бок о бок с другими цензорами, он не мог делать никаких заметок и всю добытую из писем информацию приходилось держать в голове. А это требовало огромного напряжения памяти.

Иногда, правда, особо ценные документы Зильбер фотографировал, покупая для этого фото пленку в разных магазинах города. Тем не менее, один из служащих такого магазина что-то заподозрил и начал следить за ним. Однако, заметив самодеятельного филера, Зильбер пожаловался начальству, и чересчур бдительному служащему настоятельно посоветовали не совать нос не в свое дело.

Так Зильбер и пробыл в Англии до конца войны. Не будучи разоблаченным, он благополучно вернулся в Германию, где на склоне лет и опубликовал свои воспоминания.

«Непотопляемый» Кривош

Впрочем, тихий цензор Жюль-Крофорд Зильбер был не единственным в своем роде. Пожалуй, по всем статьям превзошел его действительный статский советник Владимир Иванович Кривош, масштаб и сроки деятельности которого удивили даже издававших виды специалистов.

Филер по призванию?

Он родился в Венгрии 1 декабря 1865 года и до 23-летнего возраста оставался подданным Австро-Венгерской империи. О своих родителях и собственном детстве Кривош почему-то никогда не распространялся. Указывал лишь, что подданство России принял в сентябре 1888 года.

Еще ранее, осенью 1886 года, Кривош «поступил вольнослушателем на факультет восточных языков», но в 1889 году «выбыл из числа студентов», так и не окончив курса. Причины тому тоже неизвестны. Остается лишь догадываться, что ушел Кривош не по собственной воле, а по подозрению окружающих, возможно, заподозривших в нем филера-provokatora.

Косвенным подтверждением этих подозрений может послужить тот факт, что в 1891 году Кривоша приняли на службу в почтово-телеграфное ведомство, а вскоре откомандировали в Цензуру иностранных газет и журналов. На самом деле под «крышей» иностранной цензуры действовали знаменитые «черные кабинеты», осуществлявшие перлюстрацию переписки всего населения Российской империи, а также негласный просмотр дипломатической почты. Само собой разумеется, что брали сюда людей проверенных, уже как-то себя зарекомендовавших.

Уникум-полиглот

Впрочем, возможно, в «черный кабинет» Кривош попал потому, что был своего рода уникалом. Он писал: «Я владею французским, немецким, английским, итальянским, швед-

ским, мадьярским, румынским, армянским, всеми славянскими языками, воляпюком и эсперанто...» Известно, что он знал также турецкий, персидский, арабские и все скандинавские языки – всего общим числом около двух дюжин!

Кроме того, он также владел «всеми главнейшими стенографическими системами» на многих языках и даже был автором двух стенографических систем – «русской» и «универсальной». Еще в 1893 году он издал «Самоучитель русской скорописи», а в 1904-м – «Самоучитель стенографии, применимой ко всем языкам».

Так или иначе, в 1898 году он получил первый классный чин коллежского регистратора и быстро стал делать карьеру в стенах «черных кабинетов».

Среди своих коллег новичок выделялся не только энергией и знанием языков. Ему принадлежит еще ряд технических усовершенствований, позволявших вскрывать письма и запечатывать их вновь, не оставляя видимых следов. Он не без гордости признавался: «За время своего служения (14 лет) в секретной экспедиции я изобрел как способ делания печатей, дающий безукоризненные результаты... так и новый способ вскрытия писем, не оставляющий ни малейших следов даже для опытного взгляда»...

Упомянутый Кривошем способ вскрытия писем осуществлялся с помощью пара, вырабатываемого специальным аппаратом, наподобие электрического чайника. За эти новации премьер-министр П.А. Столыпин счел необходимым наградить автора, и в 1908 году Кривош получил орден Св. Владимира 4-й степени.

Финансовые «вольности»

Однако этим его карьера не ограничилась. Оказывается, наряду со службой в Цензуре Кривош с декабря 1904 года по 1 августа 1906 года состоял при секретном отделении Департамента полиции, занимавшемся розыском международных шпионов, в качестве переводчика-дешифровщика, и с 1905 по конец 1911 года заведовал агентурой при Особом делопроизводстве Морского Генерального Штаба.

В общем, цены бы ему не было как специалисту, если бы не одна черта в характере нашего героя: Владимир Иванович привык жить на широкую ногу и позволял себе значительные вольности с казенными деньгами.

Так, получив однажды от своего начальника по Морскому Генеральному Штабу М. И. Дунина-Борковского несколько тысяч рублей для открытия новых цензурных пунктов, Кривош и их не создал, и отчета о расходовании полученных средств не представил.

Разразился скандал, началось следствие, в ходе которого обнаружилось, что это не первая «вольность» подследственного. Однако изобретательный Кривош распустил слухи, что ему, дескать, подвалило миллионное наследство.

Тем не менее, в справке по его делу констатируется: «Допрошенные по делу, в качестве свидетелей, бывшие сослуживцы Кривоша, хорошо его знающие, характеризовали Кривоша как человека выдающихся способностей, но в высшей степени алчного к деньгам и не особенно разбирающегося в способах их приобретения, включительно до утайки наградных денег, выдававшихся ему из Морского Генерального Штаба для передачи некоторым чиновникам, оказывавшим услуги Морскому Штабу».

В результате Кривош был вынужден не только с позором оставить морское ведомство, но и вылетел с должности цензора.

Монархи тоже любопытны

Впрочем, даже после столь грандиозного скандала Кривош не поставил крест на своей карьере. Предвидя возможное преследование властей, он загодя умудрился снять и сохра-

нить у себя фотокопию с подлинника доклада, в котором говорилось о том, за какие заслуги его, Кривоша, представили к награждению орденом Св. Владимира 4-й степени. И там, между прочим, было неосторожно упомянуто о способах вскрытия корреспонденции, а кроме того, имелась собственноручная пометка императора: «Согласен».

Таким образом, в руках Кривоша оказался документ, не оставлявший и тени сомнения в том, что носитель верховной власти не только знал о противоречившей законам Российской империи практике перлюстрации писем своих подданных, но и награждал за особые заслуги в этом деле. А это грозило в случае обнародования информации большим внутренним и международным скандалом.

Опираясь на этот факт, Кривош, пошел ва-банк. И представил Николаю II план организации конторы, которая бралась доставлять государю перлюстрированные материалы «выдающегося государственного значения и интереса».

Самое интересное, что, похоже, ход этот возымел действие. В одном документе, датированном 1 февраля 1912 года, говорится, что Кривош теперь «состоит помощником заведующего Собственной его императорского величества библиотеки, в каковой хранятся все секретные издания». Но именно под «прикрытием» Собственной библиотеки Кривош и предлагал создать новую секретную службу.

Кроме того, бывший директор Департамента полиции С. П. Белецкий показал в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 13 сентября 1917 года, что Кривош действительно «организовал при содействии флигель-адъютанта кн. Орлова особую придворную перлюстрацию, освещавшую группу лиц, близких ко Двору». Возможно, предположил Белецкий, что придворная перлюстрация производилась с ведома самого государя.

В общем, наш герой не только не пал духом после скандала, но и сумел взять реванш, получив в мае 1914 года чин статского советника.

«Оставлен в подозрении»

Начавшаяся в августе 1914 года Первая мировая война оживила и авантюрные наклонности нашего героя. Довольно быстро он стал сотрудником разведотдела штаба 8-й армии. Какова была его деятельность при этом, можно судить по письму, отправленному им в Петроград бывшему сослуживцу по цензуре В. И. Пирогову.

«Сегодня был у меня разговор со старшим адъютантом, – сообщал Кривош, – который мне сказал, чтобы я тебе написал уже окончательно в виде предложения следующее: если бы ты пожелал служить Штабу армии, то ты мог бы сразу поехать во Львов. Твоя служба состояла бы в том, чтобы ты был в Будапеште и занимался бы тем, чтобы посматривать за жизнью и деятельностью 3–4 лиц – наших шпионов, чтобы их проверить, не служат ли они нашим и вашим. Ты получишь от нас паспорт австрийского подданного, какой хочешь...»

Далее Кривош рисовал Пирогову самые радужные перспективы: «Вся остальная твоя служба и прочее будет обеспечена и после войны. Почетные награды в виде крестов и т. п. не заставят себя ждать...»

Похоже, что и сам Кривош в это время, осваивая достаточно новое для него дело организации разведывательной работы в военных условиях, был настроен весьма оптимистически.

Но тут его снова арестовали. 6 апреля 1915 года статский советник В. И. Кривош был взят под стражу по подозрению в «военном шпионстве». Говоря иначе, контрразведчики армии генерала А. Брусилова заподозрили, что штабной переводчик работает «и на наших, и на ваших», то есть является двойным агентом.

Следствие длилось полгода, но так и не пришло к четким выводам. Кривош крутился как уж на сковородке и виновным себя не признал. В итоге по завершении расследования начальником Охранного отделения было решено внести представление о высылке Кривоша в Иркутскую губернию «под гласный надзор полиции на основании п. 17 ст. 19 Правил военного Положения на все время действия этого Положения».

В общем, Кривош был «оставлен в подозрении», хотя вину его доказать и не удалось.

Тем не менее, служебная карьера Кривоша в императорской России завершилась полной катастрофой – статский советник превратился в иркутского ссыльного.

На службе у красных

Но тут ему снова повезло. Февральская революция мгновенно перевернула его участь; по распоряжению министра юстиции А. Ф. Керенского от 4 марта 1917 года незаконными были признаны все административные высылки военного времени, и Кривош неожиданно для себя оказался в ряду жертв произвола низложенного строя.

Весной 1917 года он вернулся в Петроград и снова оказался в гуще событий.

Когда 25 октября 1917 года власть в стране захватили большевики, он был одним из немногих чиновников, кто согласился сотрудничать с «узурпаторами власти». Более того, он прямо обратился к Ленину и Троцкому с предложением услуг, скромно умолчав о своей прежней работе в спецслужбах.

И работа для него нашлась. Известно, например, что по просьбе заведующего секретариатом Ленина Н. П. Горбунова Владимир Иванович 7 ноября перевел обращение Троцкого к французскому послу. А в декабре его прикомандировали к делегации, выезжавшей в Брест-Литовск для переговоров о перемирии с немцами.

Казалось, судьба опять забросила его в высший эшелон власти. Но в Петрограде о прошлом Кривоша знали слишком многие. И в 1918 году его еще раз арестовали – теперь за попытку «дискредитации советской власти». Дело слушалось в Революционном трибунале.

Владимир Иванович решительно отбивался и тут, доказывая, что «никакому товарищу Ленину не интересно знать, кем я был в прошлом». Себя он рисовал «толстовцем», славянофилом, свободолюбом, «мечтавшим об освобождении России от самодержавия». А потому и приговор получил довольно мягкий: год тюремного заключения.

А через полтора месяца на счастье Кривоша подоспела первомайская амнистия. И он опять оказался на свободе. И вновь принялся за старое – предложил свои услуги секретным службам.

Самое интересное, его снова взяли. И с декабря 1918 года он стал переводчиком отдела Военного контроля – так тогда назывался отдел разведки и контрразведки. Мало того, с марта 1919 года он уже «особо секретный сотрудник» разведотдела штаба Западного фронта, с июля 1919 года – переводчик-дешифровальщик Особого отдела ВЧК. Еще через год он уже заведомо проверки документов при Особом отделе ВЧК, служил под начальством Генриха Ягоды, впоследствии взлетевшего весьма высоко.

И снова не досидел...

Однако Кривош за ним не последовал. Его опять подвела алчность. И 28 июля 1920 года его арестовали в очередной раз. Обвинение гласило: брал взятки «за пропуск за границу». Коллегия ВЧК приговорила его к расстрелу. Но в последний момент Кривошу опять повезло: казнь заменили 10-летним заключением.

И снова он не отсидел весь срок. Уже в апреле 1921 года решением коллегии ВЧК Кривош был освобожден и направлен на работу в святая святых новых спецслужб – Спецотдел. Теперь главной стала работа по криптографии: разработка шифров и их дешифровка.

Но, видимо, бывшему статскому советнику стало неуютно в Советской России и он задумал бежать за пределы Страны Советов. И опять неудача – в ноябре того же, 1921 года он вновь арестован «за принятие мер к выезду». А в мае 1922 года опять освобожден. В марте 1923 года еще один, уже пятый арест «за несанкционированные контакты с представителем чехословацкой миссии». И снова приговор – 10 лет лагерей.

Отбывать срок 58-летнего Кривоша отправили на Соловки. Оттуда редко кто возвращался. Казалось, жизнь кончена.

Однако Кривош оказался непотопляемым. Вскоре он уже занимал должность начальника метеостанции. А в октябре 1928 года постановлением коллегии ОГПУ Владимира Ивановича опять-таки досрочно освободили и вернули на работу в Спецотдел.

Этот человек затем благополучно пережил «чистки» 30-х годов и тихо исчез во время паники, возникшей при эвакуации московских учреждений осенью 1941 года. Умер он где-то за границей предположительно в 1942 году. А следы его сыновей со временем обнаружили в Чили.

Одиссея одессита (Сидней Рейли)

Энтузиаст шпионажа и авантюра – так иногда определяют жизненное кредо этого человека, который родился неизвестно где, прожил практически всю свою жизнь под псевдонимом и закончил свой путь при довольно таинственных обстоятельствах.

Метаморфоза еврея

Ныне только дотошные историки знают, что по-настоящему звали нашего героя Зигмундом Георгиевичем Розенблюмом. И что родился он в 1874 году на каком-то хуторе близ Одессы. Кем были его родители – толком неизвестно.

Согласно одной из версий, в достоверности которой можно сомневаться сколько угодно, Зигмунд Розенблюм превратился в Сиднея Рейли вот при каких обстоятельствах. Мать его, похоже, после развода или смерти родного отца Зигмунда вышла второй раз замуж за некоего Сиднея Рейли Каллагана, который завез семейство аж в Латинскую Америку.

Здесь юноша и познакомился с майором английской секретной службы Фочергилом. Тот предложил молодому человеку поработать в разведке, и Зигмунд согласился. А когда встал вопрос о псевдониме, юноша отбросил фамилию отчима и стал просто Сиднеем Рейли.

С англичанами Рейли работал не за страх, и не за совесть, а за обещание британского подданства. Когда же его хозяева свое обещание выполнили, и он стал британским гражданином, одного куса хлеба с маслом бывшему одесситу показалось мало. И он, мотаясь по миру, за деньги брался за выполнение заданий сразу нескольких разведок.

Так во время русско-японской войны Рейли на Дальнем Востоке сотрудничал с японской спецслужбой. Затем он перебрался в Петербург, где, продолжая работать на англичан, предложил свои услуги и российской разведке.

Кроме того, он находил время подрабатывать на бирже, выступая в качестве маклера по различным торговым делам. Все эти занятия, вместе взятые, позволили Рейли зажить на широкую ногу, а роскошь он любил всю жизнь.

Действуя на всех фронтах

Тем временем на Европу неотвратимо надвигалась Первая мировая война. Агенты разных стран шустрили изо всех сил, стараясь выведать секреты потенциального противника. В этой обстановке Рейли чувствовал себя как рыба в воде.

И вот он уже в Германии, где по заданию английской разведки устроился сварщиком на военный завод Круппа. Однажды ночью он проник в здание заводоуправления, где, убив двух охранников, украл секретные чертежи. Передав их связнику, он не помчался сломя голову из страны, а по подложным документам поступил на судовой верфь. И вскоре вновь повернул ту же операцию – похитил секретную документацию на строящиеся дредноуты.

Похищенное он благополучно перепродал сразу и англичанам и русским. Но на этот раз немецкие спецслужбы взяли след и Рейли пришлось, что называется, лечь на дно. Но и скрываясь, он не терял времени зря. Нашупывал новые контакты, и вскоре предложил свои услуги еще и американцам.

Однако надо отдать должное Рейли. При всей своей неразборчивости он все-таки помнил, кто именно завербовал его первым. И считал своими главными работодателями все же англичан.

В 1918 году он снова появился в России. Здесь в компании с Савинковым, Локкартом и некоторыми другими любителями половить рыбку в мутной воде попытался организовать военный переворот, чтобы устранить от власти большевиков. Но те оказались хитрее и подослали теплой компании под видом заговорщиков двух латышей-чекистов – Шмидхена (Буй-киса) и Берзиня.

Переговоры с ними вел Рейли. И хотя Локкарт предостерег его, указывая на возможную провокацию, Рейли отмахнулся от предупреждения, утверждая, что «латыши не имели никакого намерения впутываться в неудачи большевиков». Он развил бурную деятельность по подготовке контрреволюционного восстания в Москве и просчитался. Заговор закончился полным провалом, однако Рейли пришлось судить все же заочно, поскольку в последний момент ему удалось бежать.

Он был объявлен «вне закона», что означало: в случае поимки его расстреляют без следствия и суда.

Не поддавайтесь женщинам!

Тем не менее, Рейли не успокоился. И переждав некоторое время в Англии, снова вернулся в Россию. Только теперь он отправился на юг, став британским представителем при армии Деникина.

Когда и эта авантюра закончилась крушением, Рейли объединился с Савинковым. В конце 1921 года он организовал встречу Савинкова с Черчиллем, которому были радужно обрисованы возможности савинковского «Народного союза защиты родины и свободы» в организации террора и провокаций на территории СССР.

Черчилль заинтересовался и пригласил Савинкова на встречу с премьер-министром Англии Ллойд-Джорджем. Но тот больше говорил о перспективах торговли с Россией, нежели о терроре.

Тем не менее, Рейли все же нашел деньги для отправки Савинкова в Россию для широкомасштабного развертывания террористической деятельности и подробно проинструктировал его, что и как делать. Однако инструктаж не помог: в 1924 году Савинков был схвачен и осужден.

Пришлось Рейли самому готовиться к тайной поездке в Советскую Россию. Теперь он связывал свои надежды с МОЦР – Монархической организацией Центральной России, не ведая, что она была создана чекистами в ходе знаменитой теперь операции «Трест». Оперативной игрой руководил соратник Дзержинского Артур Артузов. МОЦР развила столь бурную деятельность, что в ее реальность поверили эстонцы, поляки и финны, которые поделились полученной от «Треста» информацией с англичанами и французами.

Сведения об эффективной деятельности МОЦР привели к тому, что резко упал интерес иностранных спецслужб к базировавшемуся в Берлине «Высшему монархическому совету» (ВМС) и парижскому «Российскому общевойсковому союзу» (РОВС), которые ставили своей целью свержение советской власти.

Финансирование этих организаций резко уменьшилось. Это привело к тому, что руководители обеих организаций, обвиняя друг друга в бездеятельности, рассорились. В РОВСе даже произошла смена руководства – вместо генерала Врангеля организацию теперь возглавил генерал Кутепов, имевший меньший авторитет в рядах белой эмиграции.

Стремясь повысить свое влияние, Кутепов тут же направил в Москву своих представителей – племянницу Марию Захарченко-Шульц и ее мужа Радковича. Это осложнило работу чекистов, так как «племянники», а особенно Мария, оказались дотошными контролерами, но все же и они не усомнились в подлинности МОЦР.

Решил опереться на эту организацию и Рейли. Он связался с ее руководителями и предложил совместно провести ряд терактов. Дзержинский и Артузов приняли решение: дать согласие на сотрудничество, а когда Рейли появится на территории СССР, арестовать его.

Сидней еще какое-то время колебался, он помнил о приговоре, вынесенном ему в СССР. Но тут ему пришло послание от резидента английской разведки в прибалтийских странах Бойса, который со своей стороны информировал его о том, что МОЦР – это мощная монархическая организация. В связях с ней заинтересованы английская и французская разведки.

Рейли согласился стать посредником между МОЦР и западными разведками. Для начала он отправился в Хельсинки, где 24 сентября 1925 года встретился с одним из «руководителей» МОЦР, а на самом деле агентом ОГПУ Якушевым. Рейли предложил два пути финансирования МОЦР: кража художественных ценностей, а также сотрудничество с английской разведкой – снабжение ее информацией о деятельности и планах Коминтерна. Якушев сказал, что идея интересная, однако он не может единолично принимать решение. И пригласил Рейли в Москву на заседание «политического совета» МОЦР, где, дескать, и будет принято окончательное решение.

Рейли все еще колебался. Но тут его, что называется, «подначила» Захарченко-Шульц. Она стала стыдить Рейли: «Я, слабая маленькая женщина, не боюсь переходить границу, а вы, джентльмен, боитесь!»

И Рейли решился: 25 сентября 1925 года он нелегально перешел финскую границу через «окно» возле Сестрорецка, где его встретил Тойво Вякя, начальник погранзаставы, который, как полагали, является агентом МОЦР. Он на двуколке доставил Рейли на станцию Парголово, где посадил на поезд, шедший в Ленинград. В вагоне его уже ожидали Якушев и его коллега Щукин.

Следующий день Рейли провел в Ленинграде, на квартире Щукина, а вечером в международном вагоне с паспортом на имя Штейнберга в сопровождении Якушева выехал в Москву. Уже 27 сентября на даче в Малаховке на заседании «политического совета» МОЦР (все члены были чекистами) Рейли изложил свои предложения, о которых говорил Якушеву в Ленинграде.

С заседания «совета» его повезли на «конспиративную квартиру» в Москве. По дороге он бросил в почтовый ящик две открытки: одну в США, другую в Германию, в которых сообщал, что с ним все в порядке.

Но привезли его не на квартиру, а напрямиком в здание ОГПУ на Лубянке. Там ему объявили, что согласно приговору, вынесенному ему в 1918 году, он подлежит расстрелу. Но привести приговор в исполнение не спешили. Его допрашивали, и он, стремясь спасти свою жизнь, выложил все, что знал о деятельности английской разведки. За это ему создали

вполне сносные условия содержания: его возили на прогулки в Сокольники, в сопровождении чекиста-разведчика Сыроежкина он даже посещал ресторан.

Рейли вел дневник, из которого видно, что он не верил, что его расстреляют. Он рассчитывал, что его обменяют. Однако этого не произошло: 3 ноября 1925 года вышедшего в тираж агента убили во время прогулки в парке Сокольники выстрелом в затылок. Тело зарыли во дворе здания ОГПУ.

Ночью 28 сентября на границе были инсценированы перестрелка, крики, шум, «убийство» трех человек и арест Тойво Вякя. Все это было сделано для того, чтобы финская разведка посчитала, будто Рейли и сопровождавшие его люди случайно наткнулись на пограничников при возвращении и в завязавшейся перестрелке убиты. Об этом же сообщила и ленинградская «Красная газета».

Таким образом, о том, как на самом деле умер Рейли, на Западе не догадывались до тех пор, пока операция чекистов не была доведена до конца, и «Трест» не лопнул с надлежащим шумом.

Игра «втемную» с «бешеной Марией»

Время от времени разведки используют того или иного агента «втемную», то есть он может и не подозревать о своей истинной роли в том или ином деле. Ярким примером тому может послужить деятельность Марии Лысовой-Михно-Захарченко-Шульц, которая, яро ненавидя советскую власть, тем не менее, принесла ей вполне реальную пользу. Вот как это получилось.

Своенравная девица

Девочка родилась в дворянской семье, в Пензенской губернии, 3 декабря 1893 года. Мать умерла сразу после родов, и отец отдал ее в руки гувернанток. Воспитанница не очень-то жаловала их, то и дело сбегала на конюшню – лошади были ее страстью.

Своенравную девицу отправили в Смольный институт, который Мария окончила с золотой медалью в 1911 году. Затем уехала за границу – мир посмотреть и себя показать. Через два года вернулась в деревню, где привела в порядок запущенное отцом хозяйство, создала при имении небольшой, но образцово-показательный конный завод.

В 1913 году она вышла замуж за участника японской войны капитана Михно. Однако семейная жизнь не сложилась. Муж вскоре ушел на фронт начавшейся Первой мировой войны. Но провоевал недолго: тяжело контуженный, он умер на руках Марии. А через три дня у нее родилась дочь.

Другая, быть может, тем и утешилась бы, посвятив себя воспитанию ребенка. Однако Мария рвалась отомстить врагам за смерть мужа. Оставив ребенка на попечение кормилицы и гувернантки, она уехала в Петроград, где всеми правдами и неправдами добилась направления на фронт.

Своя среди чужих

В среде солдат, унтеров и младших офицеров, как ни странно, она оказалась своей. Ледяной, иногда наглый взгляд, неприступный вид, крепкое словцо, которое она могла отпустить, никому не давали повода попытаться завязать с ней близкие отношения. К тому же ее храбрость и удивительная выносливость вызывали уважение, а безжалостное отношение к противнику, ее жестокость удивляли даже видавших виды солдат.

Словом, воевала Мария отчаянно, не раз ходила в разведку. Однажды ее группа из трех человек нарвалась на немецкую засаду. Одного разведчика убили сразу. Другого, получившего пулю в живот, Мария, сама раненная в руку, под огнем противника вытащила к своим. За этот подвиг была награждена солдатским Георгиевским крестом.

Второй «Георгий» она получила в ноябре 1916 года, когда, добровольно вызвавшись быть проводником команды разведчиков, ночью провела их в немецкий тыл. Выйдя к заставе, которую занимала рота противника, разведчики без единого выстрела перекололи большую часть солдат, остальных увели в плен. Говорят, Мария лично участвовала в штыковой атаке.

Однако осенью 1917 года фронт развалился, и Мария вернулась в родное имение. В отличие от других помещиков, бежавших в города, она осталась в опустевшей усадьбе и первого же, кто попытался что-то «экспроприировать», избива хлыстом. А когда бузотеры сожгли соседнее имение, Мария сформировала карательный отряд из молодых пензенских офицеров, тоже бывших фронтовиков, студентов, гимназистов и лично участвовала в расстреле вожжаков налета на имение.

В неразберихе событий 1917 года эта акция сошла ей с рук. Но советская власть набирала силу, и вскоре Марии пришлось распустить свой отряд, переехать в Пензу.

Дом Лысовых был уж занят местным советом, бывшей хозяйке пришлось поселиться во флигеле. И здесь, прямо под носом у новой власти, она организовала пункт переправы бывших офицеров на обозах, следовавших на восток за солью, к Колчаку.

Однажды ночью во флигель Марии в очередной раз постучали. Она открыла и сразу узнала пришедших. Один из них был генерал Розанов, еще недавно вручавший ей Георгиевский крест, другой – полковник Захарченко, старый друг ее покойного мужа. Розанова отправили с первым обозом, впоследствии он стал начальником штаба Колчака.

Захарченко же пришлось задержаться, у него открылась старая рана, и он слег. Мария преданно ухаживала за больным, и они полюбили друг друга. Вскоре скромно справили свадьбу. Теперь она стала Марией Захарченко, под этим именем она и вошла в историю разведки.

И снова – в бой!

Сам же Захарченко когда-то служил в Персидской бригаде, а потому ему удалось раздобыть документы, что он является персидским подданным. Соответственно, и его жена стала «персиянкой».

Смена подданства оказалась весьма своевременной, поскольку ЧК вышла на след «офицерской переправы». Супругам пришлось бежать из Пензы. Они уехали в Астрахань, откуда пароходом добрались до Пехлеви, где друзья полковника уже наладили выгодное дело, приносившее неплохие доходы.

Можно было бы обосноваться тут и чете Захарченко. Однако Мария все не могла успокоиться. И когда до нее дошли слухи, что на юге России создается Добровольческая армия, она заявила мужу: «Мы едем туда!»

В Новороссийске, куда чета добралась кружным путем, полковник Захарченко принял под свое командование Кавказский полк, Мария стала его ординарцем.

Она стала еще более жестокой. С дикой, бешеной злобой лично казнила захваченных в плен красноармейцев. Так что не случайно даже сослуживцы между собой звали ее «Бешеной Марией».

Она до конца разделила судьбу Добровольческой армии: успешный поначалу поход на Москву обернулся отступлением, пришлось с непрерывными боями снова отступать к югу.

Как многие в то время, Мария Захарченко едва не умерла, заразившись тифом. А только чуть окрепла – новая беда, в боях был тяжело ранен и вскоре скончался у нее на руках второй муж.

Прямо от его могилы она снова пошла в бой, в котором, похоже, искала смерти. Но судьба распорядилась иначе. В ноябре 1920 года раненая Мария с отмороженными руками все же добралась до Керчи, успела на последний пароход, уходивший в Константинополь.

Ревизоры «треста»

В Галлиполийском лагере – первом прибежище российских эмигрантов – дважды вдова сошлась со штабс-капитаном Георгием Радковичем, стала его гражданской женой.

Радкович, как и Мария, ненавидел советскую власть, хотя не так иступленно, как она. А когда он сильно напивался, Мария не стеснялась бить своего сожителя по щекам.

Впрочем, вскоре она нашла другой выход своей энергии: в Берлине она вместе с Радковичем предложила свои услуги «Высшему монархическому совету» (ВМС). Пара получила

документы на имя супругов Шульц и была отправлена в Москву ревизовать уже известный нам МОЦР.

Нервы руководителю МОЦР Якушеву и его заместителю по финансовым делам, бывшему царскому офицеру Опперпуту, представленному ревизорам под фамилией Стауниц, чета ревизоров потрепала немало.

«Она же психопатка», – поделился первыми впечатлениями о Марии Опперпут-Стауниц. Он и сам не знал, что ЧК использует его втемную, но инстинктивно старался первое время держаться с Марией настороже. Но как показывают дальнейшие события, все же не уберется...

Мария все время рвалась устроить какую-нибудь диверсию, осуществить теракт. Чтобы как-то занять пару, им нашли дело: послали на Центральный рынок торговать сахарным, где они исполняли роль «почтового ящика» – получали пакеты для «Треста» от сотрудников польского и эстонского посольств, передавали им ответные послания.

Кроме того, Опперпут-Стауниц поручил Марии шифровку писем, отправляемых за границу. Эта работа требовала много времени, так что у Марии просто не было возможностей проявить какую-то самостоятельность.

Так, по крайней мере, думал Стауниц, пока не подслушал разговор супругов: втайне от «Треста» они собирались совершить диверсию. Кроме того, хотя Мария и направляла через «Трест» восторженные письма Кутепову, в доверительном разговоре она сказала Стауницу: «Когда произойдет переворот и в Россию вернется Кутепов, он наведет настоящий порядок»...

Тем не менее, благодаря докладу Марии Захарченко-Шульц, на «Трест» за рубежом сделали основную ставку. Доказательством этого послужило приглашение Якушева в Париж на встречу с Кутеповым. В июле 1925 года через «окно» они перешли границу Польши, без помех добрались до Парижа. Якушев понравился Кутепову и даже имел аудиенцию у самого великого князя Николая Николаевича.

Игра «втемную» продолжалась...

Страсть к терроризму и... мужчинам

Тем временем Мария Захарченко и Григорий Радкович уже под фамилией супругов Красноштановых встретились в Париже с Рейли и ознакомили его с деятельностью «Треста», рекомендуя его как главную опору контрреволюции в России. Рейли заинтересовался возможностью использовать «Трест» в своих целях. Правда, сам он в Россию ехать не очень хотел, но тут и сказался нрав «Бешеной Марии». Она «подначила» Рейли, намекнув ему, что он трус, и тот дрогнул...

Дальнейшее вы уже знаете.

Исчезновение Рейли вызвало некую суматоху в стане контрреволюционеров. Мария направила Стауницу телеграмму: «Посылка пропала. Ждем разъяснений». А тут еще подняла шум жена, теперь уже вдова Сиднея Рейли. Она поместила в «Дейли Экспресс» траурное извещение о смерти мужа, но все время порывалась ехать в Россию, чтобы отыскать его самого или его могилу. Мария с трудом отговорила ее.

Благодаря умелой маскировке, доверие к «Тресту» все же не было подорвано. И вскоре чекисты с его помощью, а также с участием Марии провели еще одну операцию.

В конце 1925 года нелегальную поездку в СССР решил совершить Василий Витальевич Шульгин, бывший депутат Государственной Думы, один из тех, кто принял отречение Николая II. Он хотел отыскать следы своего сына, пропавшего без вести во время Гражданской войны.

Менжинский и Артузов решили, что поездка Шульгина под эгидой «Треста» никакого вреда не принесет, а польза может быть велика. Шульгину была открыта «зеленая улица», и 4 января 1926 года он приехал в Москву.

Впоследствии он вспоминал: «Я был отдан Марии Владиславовне Захарченко-Шульц и ее мужу под специальное покровительство. Муж ее был офицер... По ее карточкам, снятым в молодости, это была хорошенькая, чтобы не сказать красивая, женщина. Я ее узнал уже в возрасте увядания (между прочим, ей в то время было лишь чуть за тридцать. – *прим. автора*), но все-таки кое-что сохранилось в ее чертах...

Мне приходилось вести откровенные беседы с ней. Однажды она мне сказала: «Я старею... Чувствую, что это мои последние силы. В этот «Трест» я вложила все свои силы, если это оборвется, я жить не буду».

Захарченко также жаловалась Шульгину на медлительность Якушева, его нежелание совершать теракты или другие «громкие» акции. Впрочем, вскоре она нашла своей энергии еще одно применение – на глазах у Радковича завела роман со Стауницем, сказав, что так нужно для дела.

Вместе с новым возлюбленным, она решила провернуть сумасшедшую акцию: произвести массовое отравление делегатов готовящегося съезда Советов во время заседания в Большом театре, одновременно забросив в Москву отряд из двухсот бывших офицеров, которые в этот момент захватят Кремль.

Якушев по возможности попытался нейтрализовать и этот план. Мария стала подозревать, что Якушев – двойник и работает если не на оппозицию в лице Троцкого, то, скорее всего, просто на себя. Дескать, он спокойно, без всяких терактов пересидит трудное время, а потом придет к власти.

Она стала внушать Опперпуту-Стауницу, что именно он должен стать во главе «Треста». Но тут начались провалы среди агентов Кутепова – чекисты решили предотвратить теракт любыми средствами. Опперпут-Стауниц наконец прозрел, и вместе с Марией срочно сбежал из Москвы, стремясь вырваться через финское «окно» за границу.

Напоследок он оставил на столе записку, где писал о том, что Якушев и его ближайшие помощники – чекисты, а сам он и Захарченко уже находятся вне пределов досягаемости ГПУ. Действительно, через еще действующее «окно» на финской границе в ночь на 13 апреля 1927 года им удалось бежать в Финляндию.

«Трест» перестал существовать.

Сколько бы веревочка не вилась...

Поняв, что его провели, Кутепов отдал приказ развернуть террористическую деятельность в СССР. В числе прочих агентов через границу был направлен и Георгий Радкович. Вместе с напарником, он должен был найти чекистов, руководивших операцией «Трест», и отомстить им.

Задача показалась им неразрешимой. И они сделали самое легкое, что могли: вечером 6 июня 1927 года Радкович бросил бомбу в бюро пропусков ОГПУ. В суматохе им удалось бежать, но в районе Подольска их настигли и окружили. В безвыходном положении Радкович застрелился.

Но Кутепов на том не остановился. Через границу были переправлены Мария Захарченко-Шульц, Опперпут-Стауниц и некий Вознесенский. На Стауница пало подозрение, что он – тоже чекист, и теперь под присмотром еще двух участников тергруппы должен был делом доказать, что это не так.

Так они снова оказались в Москве. Мария с пистолетом в кармане несколько раз прошла по Лубянке, надеясь встретить Якушева и застрелить его, но того не было в столице.

Тогда отчаянная женщина заглянула во двор здания ОГПУ на Лубянке и убедилась, что он не охраняется. А внутри, к своей большой радости, обнаружила тоже неохраняемое пустовавшее помещение, вплотную примыкавшее к основному зданию.

Она поспешила к своим спутникам, которые с тяжелыми чемоданами ожидали ее на Ленинградском вокзале. Наняли извозчика, доехали до Сретенских ворот, оттуда дошли до нужного места. Мария снова заглянула в ворота, убедилась, что там все по-прежнему. Быстро шмыгнули во двор.

Делом нескольких минут было установить в помещении мелинитовый снаряд, а по углам и вдоль стен несколько зажигательных бомб. Затем на пол вылили канистру керосина. Оставалось поджечь бикфордов шнур, но тут со двора донеслись крики: «Эй! Кто там? Стой! Стой!»

Мария бросила в угол зажженную спичку и кинулась прочь. В суматохе прогремевшего взрыва ей и ее подельникам все же удалось скрыться. Они поспешили на Белорусский вокзал, пока ОГПУ не перекрыло выезд, и на пригородном поезде доехали до Вязьмы, стремясь к западной границе.

Но сотрудники ОГПУ уже шли по их следам. По дороге террористы разделились, поскольку понимали, что искать будут именно троих. Первым попал в окружение Стауниц. Он пытался спрятаться в густом кустарнике, отстреливался из двух маузеров и был убит при захвате.

Захарченко-Шульц и Вознесенскому посчастливилось захватить автомашину. Но при захвате шофер Гребенюк погиб, а его помощник ухитрился испортить машину. Беглецам снова пришлось идти пешком. Окружили их в районе станции Дретунь. В перестрелке Вознесенский был убит на месте, а тяжело раненная Шульц скончалась через несколько часов.

Так закончилась жизнь «Бешеной Марии».

Шпион, любивший женщин (Роберт Брюс Локкарт)

И, наконец, в заключение этой главы, давайте поговорим еще об одной примечательной фигуре того времени – знаменитом британском разведчике Роберте Брюсе Локкарте.

Родом из Шотландии

Родился он 2 сентября 1887 года в Анструтере, графстве Файф, в семье учителя начальной школы. «Во мне нет ни единой капли английской крови», – говорил Локкарт, с гордостью подчеркивая, что все его предки – шотландцы.

Впрочем, довольно скоро он почувствовал себя, что называется, гражданином мира. Учился в Берлине, жил в Париже. Потом собирался «нести бремя белого человека», как говаривал Киплинг, в Индии. Но тут дядя соблазнил племянника возможностями прилично подзаработать на каучуковых плантациях, и Роберт отправился на Малайский архипелаг. Здесь он освоил азы счетоводства и делопроизводства, приобрел первый опыт и в журналистике. Еще Локкарт научился преодолевать страх во время ночных путешествий по джунглям. Все эти навыки и умения потом пригодились ему в шпионской работе.

Дядя предупреждал племянника, чтобы тот избежал увлечения «восточной троицей – опиумом, пьянством и женщинами», – но преуспел лишь отчасти. Роберт завел любовную интрижку с племянницей султана, что послужило причиной его преждевременного отъезда из Малайи. Правда, официальным поводом для этого послужила тяжелая форма лихорадки, которой наградили его джунгли.

Так или иначе, вернувшись в Британию, 23-летний Локкарт решил испытать свои силы еще и на дипломатическом поприще. По рекомендации отца он в 1911 году поступил на консульскую службу, успешно совмещая работу с литературным творчеством.

После года работы в аппарате министерства иностранных дел Роберт получил повышение и был назначен на должность вице-консула в Москве. Одновременно ему сопутствовала удача и на личном фронте: он встретил девушку-австралийку, с которой они через год обвенчались.

...И поселился у вдовы

В Москве Роберт Брюс Локкарт объявился зимой 1912 года и почти сразу же оказался в гуще московских событий. В немалой степени тому способствовал тот факт, что жил он на квартире у вдовы писателя Эртеля, друга Толстого.

Вскоре приехала жена, и Локкарт, чтобы увеличить свои доходы, стал поставлять корреспонденции в газеты «Манчестер гардиен» и «Морнинг пост», а также печатать в журналах статьи о российской экзотике.

В 1915 году Локкарт получил место генерального консула Великобритании в Москве. Он с интересом наблюдал за бурным водоворотом разворачивающихся в России событий: отставка царя, развал армии, революционные толпы и бесконечные митинги на улицах и площадях.

В начале 1917 года судьба свела его с Керенским и Савинковым. Похоже, что и сам Локкарт мог стать непосредственным участником или по крайней мере свидетелем октябрьских событий, но тут его отозвали из Москвы. Опять-таки уехать пришлось из-за интрижки с женщиной.

Впрочем, и на сей раз Роберт прикрыл свой отъезд болезнью, а по приезде домой действительно уехал в горы лечиться. Заодно и подумать, как жить дальше: отношения с женой пошли наперекосяк, на карьере дипломата тоже, похоже, надо было ставить крест...

На связи с большевиками

Но тут ему помогли большевики. В России свершилась Октябрьская революция, взбодравившая весь мир, Европе срочно потребовались специалисты по Росси. В январе 1918 года Локкарт вновь отправился в Россию, получив дипломатические привилегии и весьма странное задание. «Моя задача заключалась в том, чтобы завязать сношения», – вспоминал он впоследствии.

Заручившись рекомендательным письмом от первого советского посланника в Лондоне Литвинова, Локкарт вскоре явился перед очи наркоминдела Троцкого и был им довольно благосклонно принят, как человек, сочувствующий большевикам.

Он остался в Петрограде и тогда, когда из города выехало большинство дипломатических миссий, представители которых полагали, что советская власть вот-вот падет. Напротив, Локкарт полагал, что большевики сильнее, чем это кажется поначалу. И через Троцкого напросился на прием к В. И. Ленину. Тот принял Локкарта в Смольном, ответил на все его вопросы, а также гарантировал ему личную безопасность, возможность в любое время покинуть Россию.

Локкарт отправил в Лондон подробный отчет о проделанной работе и вместе с морским атташе капитаном Кроми, а также несколькими офицерами английской разведки создал некую группу, исправно снабжавшую правительственные круги Великобритании самой разнообразной информацией, в том числе и военной. В этот же период он познакомился с Мурой Бенкендорф-Будберг, вскоре сделал ее своим агентом и любовницей.

Тут надо отметить, что Мура в будущем принесет еще много пользы британской разведке, пережив немало любовных приключений. Среди ее обожателей значатся, например, имена таких литературных светил, как Максим Горький и Герберт Уэллс.

Но все это в будущем. А пока, в марте 1918 года Локкарт вслед за советским правительством переехал в Москву. Там он встретил знакомых, в том числе французского резидента генерала Лаверни, американского майора Риггса. Они договорились действовать сообща, стараясь не особо раздражать большевиков.

Действуя тихой сапой, Локкарт, например, выдал британскую визу по подложному сербскому паспорту Керенскому, которому таким образом удалось бежать из России через Мурманск.

Но тут в Москве объявился Сидней Рейли, который стал действовать самостоятельно, вызвав недовольство Локкарта. Он готовил мятеж, был ярким сторонником интервенции и свержения большевистского правительства.

Локкарт поначалу был против применения силы, полагая, что большевиков удастся приручить. Однако в конце мая 1918 года его вызвали в Вологду, где обосновались послы Антанты, и соответствующим образом проинструктировали его.

С начальством не поспоришь, тем более, что в этот момент и сами большевики подпортили свою репутацию в связи с мятежом чехов в Сибири. Локкарт по указанию своего правительства выразил резкий протест против попытки разоружить чехов и препятствовать их отъезду на родину. И с той поры стал всячески активизировать контакты с антибольшевистскими силами. Он вступил в тайную переписку с лидерами белого движения, установил связь с антисоветским «Центром» и «Союзом возрождения России», основанным Савинковым.

Назревал заговор, который завершился 6 июля 1918 года убийством немецкого посла Мирбаха и попыткой государственного переворота, предпринятой левыми эсерами. Одновременно Савинков, подстрекаемый французами, захватил Ярославль, беспорядки прошли в Москве, чехи заняли Симбирск.

В довершение всего 4 августа войска союзников высадились в Архангельске, начав прямую интервенцию. Для советской власти настали трудные времена. Но она оборонялась и довольно изобретательно.

«Заговор Локкарта»: был ли он?

Так, 15 августа к Локкарту явился некий Шмидхен – под этим именем скрывался чекист Я. Буйкис – и передал Локкарту письмо от капитана Кроми, в котором тот писал, что собирается «крепко хлопнуть дверью до своего отъезда из России». Шмидхен объяснил, что представляет латышских стрелков, которые хотят вернуться на родину. И просят Локкарта известить командующего войсками в Архангельске генерала Нуля об их желании перейти на сторону Антанты, если их часть пошлют на фронт.

Локкарт обсудил ситуацию с генералом Лаверни и французским генконсулом Гренаром. Решили помочь латышам. Локкарт написал записку на имя Нуля и передал ее Шмидхену. Проконтролировать же дальнейший ход событий он поручил Сиднею Рейли.

Между тем, давление на большевиков все усиливалось: 30 августа 1918 года был убит террористом глава петроградской ЧК Урицкий, на следующий день эсерка Фанни Каплан совершила покушение на Ленина. Но и большевики стали давать все более жесткий отпор. Локкарт и его помощник Хикс были арестованы, доставлены в ЧК. Туда же заодно привезли и Муру, которая ночевала у Локкарта.

Заместитель председателя ВЧК Петерс на допросе задал Локкарту всего три вопроса. Знает ли он Фанни Каплан? Где Рейли? И он ли написал записку Нулю?

Локкарт отвечать на вопросы отказался, заявив, что пользуется дипломатическим иммунитетом и никоим образом с покушением на Ленина не связан. А когда его вели назад в камеру, попросился в уборную, где избавился от шифров и некоторых пометок в своей записной книжке.

Утром Локкарта и Хикса отпустили. Он решил укрыться в голландском посольстве, где узнал, что капитан Кроми все-таки «хлопнул дверью». В Петрограде он участвовал в перестрелке, убил комиссара, но и сам вскоре погиб.

Газеты вышли с кричащими заголовками о «заговоре Локкарта». Его обвиняли в попытке свержения правительства путем подкупа латышского гарнизона. Несмотря на это Роберт оставался на свободе и даже съездил в Наркоминдел похлопотать об освобождении Муры. Там ему не помогли, и тогда он отправился к Петерсу. Тот несколько удивился такому визиту, но сказал, что рассмотрит просьбу Локкарта. А вот его самого вынужден вновь арестовать.

Локкарт сидел под стражей ровно месяц. Первые шесть дней – на Лубянке. А затем его перевели в Кремль, где в его распоряжении оказалась целая квартира. Ему регулярно приносили газеты, и вскоре Локкарт понял причину такой «мягкотелости» большевиков. В ответ на его арест британские власти взяли под стражу Литвинова.

Тем временем Петерс выполнил свое обещание и освободил Муру. Он даже разрешил ей навестить Локкарта в его кремлевском заточении.

В конце сентября его вообще освободили. При этом Петерс даже предложил ему остаться в Советской России. Локкарт задумался над этим предложением: ему не хотелось бросать Муру, которую за границу наверняка бы не выпустили. Однако ему и не улыбалось сотрудничать с большевиками, которые постараются навязать свою волю. И 2 октября 1918 года вместе с другими освобожденными из-под ареста иностранцами он все-таки покинул Советскую Россию.

И сделал это вовремя. Вскоре высший революционный трибунал приговорил многих участников «заговора послов» к тюремному заключению, а двоих – даже к расстрелу. Локкарт, Рейли и некоторые другие были объявлены вне закона. Это означало, что в случае задержания на территории России они будут расстреляны на месте.

Шпион на покое

Вернувшись в Англию, Локкарт занялся журналистикой и литературой, даже писал сценарии для Голливуда. Когда началась Вторая мировая война, его снова мобилизовали. С сентября 1939 года капитан Р. Брюс Локкарт был официально призван в Департамент политической разведки Форин Оффиса. Он курировал Чехословакию, Венгрию, Югославию, Болгарию, Румынию, Грецию и Турцию. В его задачу входило составление еженедельных политических обзоров по этим странам для министра.

Позднее он был назначен представителем британского правительства при правительстве Чехословакии в изгнании. Затем получил повышение: в 1941–1945 годах Локкарт был директором департамента МИДа, ведавшего пропагандой и разведкой.

Несмотря на то, что Локкарт в России был объявлен «вне закона», у него сложились прекрасные отношения с советским послом Майским. И когда гитлеровцы напали на СССР, ратовал за скорейшее открытие второго фронта и усиление помощи Советскому Союзу.

Во время визита в Англию советской делегации во главе со Шверником Локкарт был его личным переводчиком. А в своих мемуарах о военных годах, написанных в 1947 году, бывший шпион с большой теплотой отзывался о России как о стране, переломившей хребет фашизму.

Умер Локкарт в 1970 году.

Между мировыми войнами

В отличие от войн обычных, имеющих обыкновение когда-то начинаться и когда-то заканчиваться, незримые сражения разведок ведутся без перерывов круглые сутки вот уже многие столетия. В этой главе пойдет рассказ в основном о тех операциях и тех разведчиках и шпионах, которые наиболее ярко проявили себя в промежутке между Первой и Второй мировыми войнами.

Разведчик Шамбалы (Яков Блюмкин)

Обычно Якова Блюмкина помнят как одного из террористов, застреливших в Москве немецкого посла Мирбаха. Это убийство, как известно, едва не привело к срыву Брестского мира и еще ко многим неприятностям. Однако почему-то гораздо меньше известно об одной странной командировке нашего героя, которая проходила под патронажем ОГПУ. Быть может, потому, что она была совершенно секретной. Началось же все вот с чего...

Встреча в лектории

Зимний петроградский ветер с легкостью пронизывал не только латаное-перелатаное демисезонное пальтишко молодого человека с бородкой «под Троцкого», но и его самого до костей. А потому не было ничего удивительного в том, что тот заскочил погреться в первое попавшееся на пути здание.

Так Яков Блюмкин неожиданно для себя оказался в лектории Балтфлота. Грязный, прокуренный зал был забит матросами – черные бушлаты, перехваченные пулеметными лентами, увешанные ручными бомбами, лишь кое-где перемежались с солдатскими шинелями и гражданскими пальто.

Наш герой облегченно вздохнул: хотя на пустынной улице он слезки за собой и не заметил, профессиональный опыт подсказывал ему, что не вредно на время еще и затеряться в толпе. Глядишь, и погреешься, и от преследователей укроешься, выигрывая драгоценное время.

Молодой человек нашел свободное место, присел и задремал под негромкий скучноватый голос лектора. Шутка ли, вторые сутки без отдыха мотаться по городу, опасаясь разоблачения; после нашумевшего убийства посла Мирбаха за голову Якова сулили бешеные деньги.

Неожиданный шум в зале прервал забытье. Блюмкин открыл глаза – матросы пересаживались поближе к трибуне, шикая на тех, кто мешал слушать.

«В глубине Азии, на границе Афганистана, Тибета и Индии лежит таинственная страна, которую окружают восемь снежных гор, похожих на лепестки лотоса», – доносилось тем временем с трибуны. И далее, не жалея красок, лектор стал расписывать землю чародеев Шамбалы, обладающих секретными знаниями, которые было бы не вредно поставить на службу трудовому народу...

Лекция закончилась под громовые аплодисменты. С места в карьер матросы-братишки постановили: создать летучий отряд, который не мытьем, так катаньем прорвется в Шамбалу и получит все необходимое для блага революции.

Прямо в зале выбрали комиссию, которая тут же занялась составлением необходимых бумаг в правительственные инстанции с просьбой разрешить захват Тибета, а также объявила запись добровольцев в будущий летучий отряд. Через час письма были написаны, зачитаны вслух и отправлены по адресам. Возбужденные матросы, записавшись в длинный список добровольцев, разошлись по своим кораблям.

Блюмкин же задержался. И дождавшись, пока лектор получит свою честно заработанную пайку – гонорар за прочитанный доклад, подошел к нему. Назвался журналистом и попросил разрешения у Барченко Александра Васильевича – так звали ученого-лектора – как-нибудь наведаться к нему. Блюмкин вовсе не блефовал. Он почему-то был уверен, что рано или поздно их с Барченко пути еще пересекутся.

Секретная лаборатория

И они действительно встретились. Шесть лет спустя, поздним ноябрьским вечером 1924 года в квартиру сотрудника Института мозга и высшей нервной деятельности Александра Барченко постучали. У дверей стояли четверо в кожанках. Один из незваных гостей напомнил хозяину квартиры об их предыдущей встрече. И сообщил, что его опыты по телепатии заинтересовали органы ОГПУ, а потому было бы неплохо, если бы ученый согласился посотрудничать с органами.

Опешивший Барченко попытался что-то возразить, но Блюмкин умел уговаривать, когда это было ему нужно. Мягким голосом, в котором тем не менее чувствовалась скрытая угроза, он заставил исследователя не только согласиться с предложением, но рассказать о своих опытах. По окончании рассказа Блюмкин, многозначительно улыбаясь, попросил ученого написать отчет о своей работе на имя Дзержинского.

И он действительно передал этот доклад высокому начальнику из рук в руки, присокупив к этому устный рассказ о самом Барченко и его планах. «Железный Феликс» тоже был заинтригован открывающимися возможностями и отдал отчет сотруднику секретного отдела Якову Агранову, который и должен был курировать нового сотрудника.

Спустя несколько дней Агранов и Барченко встретились. Потом ученый вспоминал об этом так: «В беседе с Аграновым я подробно изложил ему теорию о существовании замкнутого научного коллектива в Центральной Азии и проект установления контактов с обладателями его тайн. Агранов отнесся к моим сообщениям положительно».

Блюмкин тем временем вынашивал далеко идущие планы. Он вовсе не собирался выпускать инициативу из своих рук и хотел сам стать первым обладателем этих тайных знаний Шамбалы. Для этого он разработал план действий, который, как показывают дальнейшие события, ему удалось осуществить почти полностью.

Для начала Блюмкин провел, как бы мы это сказали сегодня, интенсивную пиар-кампанию. Он убедил Барченко написать письмо в коллегия ОГПУ. Потом добился того, чтобы доклад ученого включили в повестку очередного собрания коллегии.

«Заседание коллегии состоялось поздно ночью, – вспоминал потом Барченко. – Все были сильно утомлены, слушали меня невнимательно. Торопились поскорее кончить с вопросами...»

Но этого как раз и добивался хитрый Блюмкин. В результате при поддержке Бокия и Агранова ему удалось добиться благоприятного решения коллегии. Ее постановлением Бокию поручалось детально ознакомиться с содержанием проекта Барченко, «и если из него действительно можно извлечь какую-либо пользу, сделать это».

Итогом всей этой деятельности стало создание при ОГПУ секретной лаборатории нейрэнергетики. Она разместилась в одном из корпусов Московского энергетического института и стала заниматься весьма широким спектром проблем – от изучения феномена «снежного человека» до изобретений, связанных со шпионажем. Одной из основных считалась задача научиться телепатически читать мысли противника на расстоянии.

Подготовка экспедиции

Параллельно этому в сверхсекретной обстановке разрабатывался еще один проект, инициатором которого стал Глеб Бокий, начальник Спецотдела ГПУ. Он был хорошо знаком с Барченко, у обоих были одинаковые склонности к мистике и разного рода тайным обществам.

Еще в 1909 году Барченко рекомендовал Бокия членам ордена розенкрейцеров, где состоял и сам. А потому, собравшись зимой 1924 года на конспиративной квартире Глеба Бокия, старые знакомые пригласили еще нескольких ученых и чекистов и организовали «Единое трудовое братство». Тайная организация прямо ставила цель – достичь Шамбалы и установить контакт с ее обитателями.

Интересно, что Якова Блюмкина среди членов нового тайного общества не оказалось. Но это вовсе не означало, что он отказался от мысли стать первопроходцем Шамбалы. Просто он решил действовать иначе, не участвуя в никаких мистических организациях, к которым советская и прочие власти всегда относились плохо.

Для начала он решил перепроверить сведения Барченко. Для этого он обратился к профессору Академии РККА А. Е. Снесареву, который считался самым компетентным русским экспертом по Северо-западному району Британской Индии. Кроме того, имелись данные, что профессор, наряду с научными исследованиями, неоднократно выполнял и поручения разведки.

Собеседники вскоре поняли друг друга. И профессор выложил на рабочий стол карту Памира, рассказал, что знал о том районе, где по горным тропам не пройдет даже вьючная лошадь. Где люди сидят от тревог и начинают бояться пространства. Где происходят странные события и где, кажется, сама природа начинает активно противостоять людям, стремящимся проникнуть в тайны загадочной страны.

Убедившись, что Шамбала, вероятно, действительно существует, Блюмкин развил бурную деятельность по организации экспедиции. Однако Барченко с Бокием тоже не теряли времени зря.

В итоге было принято решение об организации одной экспедиции переодетых под паломников чекистов и ученых, в состав которой должны были войти все заинтересованные лица. Экспедиция, ведя разведывательную работу, составляя планы местности, помимо Афганистана, должна была побывать в Индии, Тибете, Синьцзяне. Попутно через горные кряжи афганского Гиндукуша предполагалось пробраться в один из каньонов Гималаев – то есть достичь таинственной Шамбалы.

На расходы личным распоряжением Дзержинского было выделено 600 тысяч долларов – сумма по тем временам колоссальная. Базой для подготовки стала одна из дач Спецотдела в

подмосковном поселке Верея. Здесь участники мероприятия изучали английский язык, язык урду и осваивали верховую езду.

Руководителем экспедиции был назначен Барченко. А комиссаром – полиглот и мастер восточного рукопашного боя Яков Блюмкин. Ему же ЦК поручил и контроль за ведением операций разведывательного характера.

Казалось бы, все шло как надо. Однако Блюмкина такое распределение ролей все же не устроило. Он предпочел бы сам стать руководителем экспедиции, проникнуть в Шамбалу без лишних глаз. И он связывался с начальником иностранной разведки М. Трилиссером, убеждая того препятствовать экспедиции. Дескать, как это секретная операция за пределами Страны Советов проводится без участия и даже согласования с отделом иностранной разведки...

Блюмкин хорошо изучил законы аппаратной игры. И хотя приготовления к экспедиции были по существу завершены, Трилиссер, через Чичерина и Ягоду, добился ее отмены.

Бокий, впрочем, в долгу не остался. Поняв, откуда дует ветер, он попытался нейтрализовать своих противников. Первый удар пришелся по Ягоде. С помощью оборудования секретной лаборатории, которая начала заниматься созданием технических приспособлений – локаторов, пеленгаторов и передвижными отслеживающими станциями, – он перехватил одну из зашифрованных радиogramм Ягоды, расшифровал ее (текст гласил: «Пришлите ящик водки») и представил компромат на отправителя в ЦК. Вот, дескать, для чего используется спецоборудование и средства тайных служб...

Однако Генрих Ягода все же в тот раз усидел в своем кресле. И в ОГПУ началась война группировок. Блюмкин тем временем через отдел иностранной разведки добился, чтобы отыскать Шамбалу и установить контакт с ее обитателями поручили именно ему.

А чтобы нейтрализовать членов «Единого трудового братства», Блюмкин намекнул Бокию, что в долгу перед братьями не останется. И Бокий передал ему все карты и секретную информацию. Так Яков Григорьевич ухитрился стать представителем сразу двух враждующих группировок. Ему же были и отданы все средства, выделенные ранее на организацию экспедиции.

Фальшивый лама

Впрочем, Блюмкин вовсе не собирался действовать методами Барченко, добиваться на проведение в районах, контролируемых англичанами, легальной научной экспедиции. Он решил действовать иначе.

В начале сентября 1925 года на границе Британской Индии объявился хромой дервиш. Он шел с караваном мусульман из секты исмаилитов к месту паломничества. Но в городе Балтит дервиш «прокололся»: полицейские обратили внимание, что нищий зачем-то ходил на почту. Его задержали по подозрению в шпионаже и под конвоем отправили в военную разведку. Дервиша ожидал допрос и вероятный расстрел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.